

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И
РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ЦЕНТРА
ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

2008 / 10

Максим КИРЧАЛОВ

UKRAINE VS УКРАЇНА:
ДИСКУРСЫ РОДИНЫ В ИНТЕЛ-
ЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ
УКРАИНСКОЙ ДИАСПОРЫ

<http://ejournals.pp.net.ua>

УДК 82.02
ББК 63.3
К 436

Кирчанов М.В. Ukraine vs Україна: дискурсы Родины в интеллектуальной традиции украинской диаспоры / М.В. Кирчанов – Воронеж, 2008. – 40 с. (Аналитические обзоры Центра изучения Центральной и Восточной Европы. Вып. 10)

© М.В. Кирчанов, 2008
© ЦИЦВЕ, 2008
© <http://ejournals.pp.net.ua>

Автор выражает благодарность

профессору Максиму Тарнавському (Университет Торонто, Канада),

Марии Ревакович (США) за ценные советы, которые помогли ему в написании настоящей статьи.

Особо хочется упомянуть Лизу Грекул (PhD, Университет Торонто, Канада), которая любезно предоставила автору возможность ознакомиться с текстом своей монографии «Выходя из тени: англоязычная литература канадских украинцев» (L. Grekul. Leaving Shadows. Literature in English by Canada's Ukrainians. – Toronto, 2005).

Украинская интеллектуальная традиция в диаспоре и «разговоры у костра»

Те, кто занимается историей европейских сообществ в Америке, вероятно, вспомнит, что многие деятели украинского, латышского или литовского происхождения, кто на момент эмиграции был слишком мал или родился уже в Америке, со смешанными чувствами пишут о летних лагерях, куда ездили детьми вместе со своими родителями. Практически все авторы сходятся на том, что тогда они были детьми, которые были не прочь сбежать из лагеря в соседний лес или небольшой американский (канадский) городок, а взрослые все время почему-то заставляли их читать стихи или петь песни¹. Вечером же все собирались у костра, где взрослые говорили о «старой родине». Подобные описания, которые отличаются друг от друга мелкими подробностями, мы находим и в украинской, и в латышской и литовской диаспорной традиции.

Старая Родина была ли едва ли не главной темой для эмигрантов старшего поколения. Они ее помнили и нередко надеялись вернуться. Для второго и тем более третьего поколения родина предков актуальна в гораздо меньшей степени, чем страна их проживания. К тому же воспоминание о ней нередко удел незначительной группы интеллектуалов, в то время как для остальной части ассимилировавшихся потомков европейских эмигрантов их историческая родина не представляет интереса. Что касается украинских интеллектуалов в диаспоре то в своих попытках построения родины они нередко идут вслед за уже сложившейся интеллектуальной традицией. Это тем более актуально, если они владеют украинским языком и в состоянии читать произведения украинских политиков на языке оригинала. В данном случае язык выступает в роли моста между диаспорой и родиной. Если эти интеллектуалы сами заняты в сфере общественных наук, то изучение их исторической родины становится нередко их профессией. Такие реконструкции носят профессиональный характер и в значительной степени отличны от тех нарративов о родине, которые мы находим на страницах произведений самих эмигрантов и их потомков.

Степень и глубина этих нарративов нередко зависит еще от одного фактора – места рождения. Некоторые видные деятели украинской культуры в диаспоре родились в Украине и покинули ее в таком возрасте, когда они уже имели о ней определен-

¹ Об украинской песенной культуре среди украинцев американской диаспоры и ее роли в сохранении идентичности, в первую очередь – языка см.: Ph. Bassa. *Ukrainian musical culture in Canada*. – Montreal, 1955.

ные представления. Например, почти все представители так называемой Нью-Йоркской группы в поэзии Украинского зарубежья родились в Украине. Исключение составляет, пожалуй Мария Ревакович, эмигрировавшая в США из Польши. Именно их нарративы об Украине в большей степени соотносятся с теми или иными проявлениями украинской действительности. Эмигранты второго и третьего поколения таким опытом не обладали и были вынуждены самостоятельно формировать круг своих образов об исторической родине. Выросшие в национальной среде они могли воспитываться в условиях культивирования всего национального или, если их родители стремились к лучшей жизни для своих детей, в забвении всего, например, украинского. В зрелом возрасте, если они становились специалистами в сфере гуманитарных наук, они нередко обращались к изучению родины предков и их нарративы о ней могут варьироваться от идеализации до отрицательного отношения к языку и культуре той группы, выходцами из которой они являются.

Обращаясь к нарративам о вынужденно оставленной украинской родине среди диаспорных интеллектуалов, мы неизбежно обратимся к проблеме украинских студий, которые активно начали развиваться в Северной Америке после 1945 года. Параллельно с ними развивалась и украинская литературная традиция. В данном случае мы сталкиваемся с двумя языками описания исторической родины – научным и художественным. Примечательно, что опыты конструирования родины на примере ее художественного осмысления или написания ее истории получили свое изучение, как в рамках самой украинской диаспоры, так и в современной украинской историографии. Описание родины средствами художественного языка привлекало гораздо меньше внимания исследователей, которых интересовали судьбы диаспорных интеллектуалов, их приверженность национальной идее, их соотнесенность с европейскими и американскими литературными течениями². Между тем именно переосмысление Украины средствами языка демонстрирует несколько дискурсов восприятия родины. Все эти дискурсы глубоко персонифицированы, а способы их проявления различны. Интеллектуальный климат Украины 1990-х годов характеризовался глубоким интересом к истории и культуре украинской диаспоры. Начиная с 1990 года, Украину захлестнул поток книг об украинской диаспоре, вышли исследования, были переизданы книги писателей эмигрантов³. Возвращаясь к началу, именно

² См. одну из новейших работ: М. Ревакович. Кризь іншу призму. Про феномен і поезію Нью-Йоркської групи // Півстоліття напівтиші. Антологія поезії Нью-Йоркської групи / упоряд. М. Ревакович. - Київ, 2005. См. так же: С. Павличко. Модерністський рух на Заході в 60-70-ті роки // С. Павличко. Дискурс модернізму в українській літературі. - Київ, 1999. - С. 391 - 432.

³ Е. Андрієвська. Вілли над морем. - Львів, 2000; Е. Андрієвська. Атракціони з орбітами й без. - Київ, 2000; Е. Андрієвська. Хвилі. - Київ, 2002; Е. Андрієвська. Роман про добру людину. - Київ, 1992; Е.

такие эмигранты, чьи произведения в 1990-е нашли своего украинского читателя, некогда и вели эти разговоры у костра.

Отдельная группа дискурсов – это англоязычные реконструкции Украины, предпринятые американцем Аскольдом Мельнычуком и канадкой Джэнис Кулык Кифер. В отечественной историографии сильно мнение, что США – это плавильный котел, а Канада все еще знает специфику населяющих ее этнических групп. Когда мы обратимся к творчеству двух вышеназванных авторов нас будет ожидать небольшое открытие: идентичность и проза Мельнычука в большей степени украинская, чем то, что пишет Кулык Кифер в Канаде, стране официально проводящей политику мультикультурализма. Именно для таких авторов и характерно это глубоко персонифицированное воспоминание о детстве, скаутском лагере и разговорах о родине у костра. Если Бойчук, Вовк, Тарнавська могли эти разговоры вести, то Мельнычук и его современники были вынуждены их слушать. В своем англоязычном романе «Посол мертвых» Мельнычук описал эту ситуацию так: «костер – ежевечерний ритуал, на который собирались взрослые, чтобы петь и предаваться воспоминаниям о былой родине. Порой эти посиделки превращались в мини-концерты: кто-то читал стихи, кто-то на четыре голоса исполнял задушевные песни, и все рассказывали забавные истории о друзьях, коим не суждено было пережить войну»⁴.

Анализируя эту проблематику, следует принимать во внимание и тенденции детерриторизации украинского языка и соответственно создаваемой на нем литературы от украинской литературной традиции прошлого, от идеального образа Украины, который культивировался эмигрантами старшего поколения. Украинские интеллектуалы в диаспоре были более мобильны, чем их украинские коллеги, и их украинский язык был связан исключительно с ними и их происхождением и не соотносился с местным ландшафтом и социальной средой. Он использовался редко, как правило, дома, в церкви, в творчестве, рассчитанном на таких же украинских эмигрантов. Вместе с тем, сам язык творчества меняется: оставаясь украинским, он приспособливается для описания американской и канадской реальности. Так происходит детерриторизация украинского языка. Язык отда-

Андрієвська. Роман про людське призначення. - Київ, 1992; Е. Андрієвська. Проблема голови. - Львів, 2000; Р. Бабовал. Мандрівники ймовірного. - Київ, 1993; Б. Бойчук. Третя осінь. - Київ, 1991; Б. Бойчук. Вірші кохання й молитви. - Київ, 2002; Б. Бойчук. Дві жінки Альберта. - Київ, 2002; Б. Бойчук. Три романи. - Київ, 2004; В. Вовк. Поезії. - Київ, 2002; В. Вовк. Проза. - Київ, 2001; В. Вовк. Спомини. - Київ, 2003; В. Вовк. Театр. - Київ, 1995; М. Ревакович. Зелений дах. - Київ, 1999; Б. Рубчак. Криво Ікарове. - Київ, 1991; Ю. Тарнавський. Без нічого. - Харків, 1991; Ю. Тарнавський. У ра на. - Київ, 1992; Ю. Тарнавський. Їх немає. - Київ, 1999; Ю. Тарнавський. Не знаю. Вибрана проза. - Київ, 2000; Ю. Тарнавський. бх0. - Київ, 1998.

⁴ А. Мельничук. Посол мертвых // Дружба народов. – 2004. – № 5. – С. 90.

ляется от этнической принадлежности, перестает быть важнейшим определяющим фактором⁵.

В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть и проанализировать как формировались и развивались нарративы об Украине в среде представителей украинской диаспоры, как они описывались средствами художественного языка. Научный язык описания украинской родины не будет в сфере внимания автора в настоящей статье, так как он заслуживает того, чтобы стать объектом отдельного исследования. С другой стороны, украиноязычная перцепция Украины так же будет вне сферы нашего внимания – украинские дискурсы крайне разнообразны и их сложно объединить в рамках одного исследования, тем более статьи. К тому же к этой тематике уже обращались украинские коллеги, не уделяя при этом должного внимания англоязычной украинской литературе.

В рамках настоящего исследования возможна и постколониальная перспектива. Писатели, которые будут в центре нашего внимания, пришли в литературу и науку в 1970 – 1980-е годы, когда Украина отсутствовала, а вместо нее существовала малопонятная для них Украинская ССР. Появление же в начале 1990-х независимого украинского государства стало для них полной неожиданностью. Именно это событие стало тем катализатором, который заставил их обратиться к своим украинским корням. Иными словами, являются ли их созданные ими украинские нарративы на английском языке проявлениями постколониального дискурса интеллектуальной традиции украинской диаспоры? В отношении постколониального статуса Украины в украинских студиях высказываются различные точки зрения, хотя значительная часть украинских интеллектуалов не склонна политически видеть в СССР русскую колонию⁶. В украинских культурных, в первую очередь – литературных, исследованиях постколониальный статус украинской культуры нередко признается⁷. Поэтому, мы можем интерпретировать интерес англоязычных авторов украинского происхождения к Украине как именно попытку осмыслить родину предков в категориях постколониальных теорий⁸.

⁵ R. Breton. *Collective Dimensions of the Cultural Transformation of Ethnic Communities and the Larger Society // Migration and the transformation of Cultures*. - Toronto, 1992. - P. 3 - 21; J. Pivato. *Representation of Ethnicity as Problem: Essence or Construction // Literary Pluralities* / ed. C. Verduyn. - Peterborough, 1998. - P. 152 - 161.

⁶ *Ukraine in the 1990s* / eds. M. Pavlyshyn, J. E. M. Clarke. - Melbourne, 1992; H. van Zon. *The Political Economy of Independent Ukraine*. - NY, 2000; A. Motyl. *Dilemmas of Independence*. - New York, 1993; T. Kuzio. *Ukraine*.

State and Nation Building. - L., 1998.

⁷ M. Shkandrij. *Russia and Ukraine. Literature and the Discourse of Empire From Napoleon to Postcolonial Times*. - Montreal, 2001.

⁸ B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. *The Empire Writes Back. Theory and Practice in Post-Colonial Literature*. - L., 1989.

Украинская литература на английском языке демонстрирует немало образов Украины созданных именно средствами английского языка. Англоязычная перцепция украинского прошлого и настоящего в значительной степени отлична от украинского переосмысления комплекса украинских образов. В то же время, если по истории украинской диаспоры существует ряд исследований⁹, то судьба ассимилировавшихся украинцев изучена в меньшей степени. Можно упомянуть статьи Эрика Томпсона и Натальи Тучинської¹⁰, касающиеся некоторых моментов ассимиляции. В мае 2005 года в Торонто прошла конференция славистов, где несколько докладов было посвящено украинской англоязычной литературе¹¹. По истории украинской литературы в Канаде было защищено несколько диссертаций, но проблемы англоязычной прозы оказываются в центре внимания реже, чем история украиноязычной литературы¹². На фоне огромного количества публикация по украинской культуре в Канаде, достижения в данном направлении скромны¹³. Ес-

⁹ Зарубіжні українці. Довідник / під. заг. ред. С.Ю. Лазебника. - Київ, 1991. - С. 48 - 85; П. Кравчук. Українці в Канаді. - Київ, 1980; Дм. Прокоп. Українці в Західній Канаді. - Едмонтон-Вінніпег, 1983; А.М. Шлепаков. Українська трудова еміграція в США і Канаді. - Київ, 1960; Y. Balan. Salt and Braided Bread: Ukrainian Life in Canada. - Toronto, 1984; W.A. Czumer. Recollections about the Life and the First Ukrainian Settlers in Canada. - Edmonton, 1981; O.W. Gerus, J.E. Rea. Ukrainians in Canada. - Ottawa, 1985; A Heritage in Transition: Essays in the History of Ukrainians in Canada / ed. M. Lupul. - Toronto, 1982; P. Krawchuk. Ukrainian image in Canadian literature // Tribute to our Ukrainian pioneers in Canada's first century. - Winnipeg, 1996. - P. 28 - 42.

¹⁰ E. Thompson. Prairie Mosaic: the Immigrant Novel in the Canadian West // Studies in Canadian Literature. - 1980. - Vol. 5. - No 2; Н. Тучинська. Мова і національна свідомість. Канадсько-український варіант // І. Незалежний культурологічний часопис. - 2004. - Т. 35.

¹¹ В программе годовой конференции канадских славистов, прошедшей в Университете Западного Онтарио 29 - 31 мая 2005 года (CAS 2005. The Canadian Association of Slavists Annual Conference, May 29 - 31, 2005. The University of Western Ontario, Canada. Final Program), была заявлена секция под руководством Я. Балана (Jars Balan) «Украинский вклад в канадскую литературу», которая включала доклады А. Павловской (Манитоба), Л. Ледоховской (Торонто) и Л. Грекул (Британская Колумбия). Автор статьи, не имея возможности, ознакомиться непосредственно с текстами, может судить об их содержании исключительно по названиям. На таком фоне, тема, заявленная Л. Грекул ("Now You Read Me, Now You Don't: Ukrainian Canadian Literature and the 'Invisible' Minority Problem"), кажется особенно показательной: она пытается рассмотреть литературу канадских украинцев, как литературу «невидимого меньшинства», что в некоторой степени соответствует действительности, так как в англоязычных работах, созданных англоканадскими авторами, украинцам уделяется незначительное внимание.

¹² M.I. Bandrauk. Third image: A comparative study of the Ukrainian-Canadian, French-Canadian and English-Canadian novels of the soil. Master dissertation. - Sherbrooke: Université de Sherbrooke, 1981; L. Butska. Writing and reading ethnicity: Vera Lysenko, George Ryga, and Myrna Kostash negotiate cultural and creative spaces. Master Dissertation. - Guelph: University of Guelph, Ontario, 1994; A. Kruchka-Glynn. Vera Lysenko, Ukrainian Canadian: The expression of her dual heritage in her life and works. Master Dissertation. - Edmonton: University of Alberta, 1993; H. Muchin. The evolution of the Ukrainian family and its portrayal in Illia Kyriak's novel Sons of the soil. Master dissertation. - Winnipeg: University of Manitoba, 1978; A. Pawlowsky. Ukrainian literature in Canada, 1908-1991: A socio-historical perspective. Doctoral dissertation. - Winnipeg: University of Manitoba, 1997; О. Павловська. Зображення українського імігранта в повістях "Голос землі" О. Іваха та "Сини землі" І. Киряка. Мастерський тезис. - Вінніпег, 1987; Я. Тендера. Роман Власа Самчука "На твердій землі". Критичний розгляд. Мастерський тезис. - Едмонтон, 1973.

¹³ Можно упомянуть исследование М.Л. Мандрыки по истории украинской литературы в Канаде интересной с точки зрения анализа проблем адаптации украинцев до местных реалий и их интеграции в канадское общество. Но книга, вышедшая в 1968 году, представляет сейчас, скорее, интерес для истории именно украинской идентичности, а на анализируемой в настоящей статье проблемы. M.L. Mandryka. History of Ukrainian Literature in Canada. - Winnipeg-Ottawa, 1968. По истории украинской литературы в Канаде см.: J. Balan. Some Notes Toward the Writing of the Ukrainian Literary Institution in Canada // Canadian Review of Comparative Literature. - 1989. - Vol. 16. -

ли, по словам Э. Томпсона, переводы произведений с украинского на английский, вышедшие в Канаде, мало изучены, то с англоязычной канадской украинской литературой сложилась нелучшая ситуация¹⁴. Как и в США, она тесно связана с украинским сообществом и сложно вписывается в американский или канадский литературный контекст, оставаясь скорее литературой этнического сообщества и украинской диаспоры, нежели составной частью местного литературного контекста.

NO 3 - 4. - P. 745 - 762; M. Kirtz. *I am become a name: The representation of Ukrainians in Ross, Lawrence, Ryga and Atwood* // *Canadian Ethnic Studies*. - 1992. - Vol. 24. - No 2. - P. 35-45; E. Mandel. *Ethnic voices in Canadian writing // Identities: The impact of ethnicity on Canadian society* / ed. W. Isajiw. - Toronto, 1977. - P. 57-68; S. Mycak. *Canuke literature: Critical essays on Canadian Ukrainian writing*. - Huntington, 2001; T. Nazarenko. *To Pass Through on One's Wings: the Poetry of Oleh Zujewksij* // *Canadian Slavonic Papers*. - 1996. - Vol. XXXVII. - No 1. - P. 23 - 46; J. Young. *No longer 'apart': Multiculturalism policy and Canadian literature* // *Canadian Ethnic Studies*. - 2001. - Vol. 33. - No 2. - P. 88 - 116; Ф. Погребеник. *Еміграція і література // Українська література. Матеріали I конгресу Міжнародної асоціації українців*. - Київ, 1995. - С. 238 - 249; М. Шкандрій. *Українська проза в Канаді // Хрестоматія з української літератури в Канаді / під. ред. Я. Славутича, М. Шкандрія*. - Едмонтон, 2000. - С. 525 - 535.

¹⁴ E. Thompson. *Prairie Mosaic: the Immigrant Novel in the Canadian West* // *Studies in Canadian Literature*. - 1980. - Vol. 5. - No 2.

Украинское сообщество в Северной Америке: от людей в овечьих плащах до первых литературных опытов на английском языке

Поиск авторами украинского происхождения места в американской и канадской литературе, равно как и украинцев в канадском обществе, не был простым. «Колониальное воображение» и негативное отношение к украинцам преобладало в канадской прозе до 1945 года¹⁵. Переход к политике мультикультурализма (де-факто с 1950-1960-х годов),¹⁶ в том числе и под давлением украинского сообщества¹⁷, позволил «зазвучать разным литературным голосам»¹⁸, включая украинские. Утверждение об ассимиляции не следует понимать как окончательный разрыв с украинской национальной средой, хотя украинские канадские авторы признают усиление канадского мейнстрима и ослабление собственно украинского сообщества¹⁹. Канада принадлежит к числу тех стран, где официально признан мультикультурализм, ассимиляция части украинского населения с его последовательной интеграцией в канадское общество все же имеет место. Возможно, эта ассимиляция - личный выбор, а не результат направленной политики²⁰. В США, официально не придерживающихся мультикультуралистской линии в развитии национальных отношений, сосуществование различных этнических групп, сохраняющих свой язык и культуру, давно стало фактом.

¹⁵ L. Litvack. *Canadian Writing in English and Multiculturalism* // *English Postcoloniality: Literatures from around the World* / ed. R. Mohanran, C. Ranjan. - Westport, 1996. - P. 121.

¹⁶ Канада стала первой страной, которая официально признала мультикультурализм. В 1971 году по инициативе премьер-министра П. Трюдо была провозглашена программа «*Multiculturalism within a Bilingual Framework*». По проблемам истории, практике и особенностям канадского мультикультурализма существует значительная литература. См. напр.: E. Breton. *Canadian Federalism, Multiculturalism and the Twenty-First Century* // *International Journal of Canadian Studies*. - 2000. - Vol. 21. - No 1. - P. 155 - 177; B. Berdichewsky. *Racism, ethnicity and multiculturalism*. - Vancouver, 1994; J.W. Berry, R. Kalin, D.M. Taylor. *Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada*. - Ottawa, 1977; *Multiculturalism in North America and Europe* / eds. H. Braun, W. Klooff. - Trier, 1995; *Multiculturalism and Canadians: Attitude study 1991*. - Ottawa, 1991. Канадец украинского происхождения Орест Кругльак с 1970-х до 2002 года занимал различные должности, курируя некоторые аспекты программы мультикультурализма - *Multiculturalism is about Inclusiveness, Social justice and Empowerment*, Says Former Director of Canada's Multiculturalism Program // *Press Release of Canadian Institute of Ukrainian Studies*. - April 11, 2003.

¹⁷ *Language Education, Canadian Civic Identity and the Identities of Canadians. Guide for the development of language education policies in Europe: from linguistic diversity to plurilingual education*. - Toronto, 2003. - P. 11.

¹⁸ R. Kroetsch. *Introduction: Ethnicity and Canadian Literature* // *Canadian Ethnic Studies*. - 1982. - Vol. XIV. - No 1. - P. V.

¹⁹ Текст профессора, доктора философии Романа Еренюка (R. Yereniuk. *Multiculturalism, Public Education and the Ukrainian Canadian Community*) размещен на сайте Центра канадских исследований Университета Манитобы. См.: http://www.umanitoba.ca/centres/ukrainian_canadian/occasional_papers/yereniuk_mu

²⁰ J. Harles. *Multiculturalism, National Identity and National Integration: the Canadian Case* // *International journal of Canadian Studies*. - 1998. - Vol. 17. - No 1. - P. 217 - 249.

Поэтому, канадские и американские писатели украинского происхождения знали (знают) украинский язык. Представители третьего и четвертого поколения украинским языком не владеют, или владеют слабо. Включенность в англоязычную культурную среду и поверхностное владение украинским языком не означает отсутствия связи с Украиной и диаспорой. Англоязычие при осознании себя как лиц украинского происхождения, а своих произведений как находящихся на грани двух культур - отличительная черта творчества канадских авторов украинского происхождения. Энох Падолски, в связи с этим, высказал предположение, что возможны четыре варианта отношений (интеграция, ассимиляция, отдаление, маргинализация) между литературой этнического сообщества и национальной литературой государства, где оно проживает²¹.

Если украинские переселенцы в Канаде появились в конце XIX века, то канадские авторы украинского происхождения, пишущие на английском языке, в 1930-е годы. Интеграция украинцев в англоязычный компонент канадского общества прошла относительно быстро²², но она была тяжелой для украинской этнической группы. Украинцы в большей степени отличались от англосаксонского большинства, чем эмигранты из Ирландии, Германии и Италии. По словам Доктора Олега В. Геруса украинцы радикально не соответствовали «одежде, кулинарным привычкам, языку и религии» других европейских переселенцев. Если до 1914 года канадское правительство не замечало украинцев, то с началом первой мировой войны возобладали антиукраинские настроения и зазвучали требования принудительной ассимиляции как потенциальных пособников Австро-Венгрии. После войны отношение к украинцам стало меняться: власти отказались от репрессивной политики, но и не проявляли интереса в развитии украинского сообщества²³. В такой ситуации некоторые украинцы обращаются к английскому языку, начиная использовать его в творчестве.

Первый писатель, этнический украинец, начавший писать на английском языке - Майкл (Володимир) Барабаш (1900 - 1997). Он родился в Гамбурге, когда его родители были на пути из Галичины в Канаду. Володимир Барабаш был одним из первых украинцев, которые пошел работать к англоязычным фер-

²¹ E. Padolsky. *Canadian Minority Writing and Acculturation Options // Canadian Review of Comparative Literature*. - 1989. - P. 600 - 618; E. Padolsky. *Cultural Diversity and Canadian Literature: A Pluralistic Approach to Majority and Minority Writing in Canada // International Journal of Canadian Studies*. - 1991. - Vol. 3. - No 1. - P. 111 - 128.

²² R. Dennis. *Foreigners who live in Toronto: attitudes towards in a Canadian city, 1890 - 1918 // Migration in Canada / ed. B. Messamore*. - Edinburgh, 1999.

²³ J. Balan. *Backdrop to an era: The Ukrainian Canadian stage in the interwar years // Journal of Ukrainian Studies*. - 1991. - Vol. 16. - No 1. - P. 89-113. Рабома Олега В. Геруса (Oleh W. Gerus) «Украинские канадцы: профиль сообщества, 1891 - 1999» (*The Ukrainian Canadians: A Community Profile, 1891 - 1999*) размещена на www.ucc.ca - официальном сайте Конгресса украинцев Канады.

мерам, благодаря чему он овладел английским языком. Комментируя феномен освоения английского языка представителями эмигрантских этнических групп, Р. Бретон считает, что это дистанцирует язык от этнической принадлежности. Согласно точки зрения Дж. Пивато, в такой ситуации происходит детерриторизация господствующего языка²⁴. В 1937 году Барабаш начал писать стихи на английском языке, которые публиковались в газетах и журналах, выходивших в Калгари²⁵.

Творчество Майкла Барабаша изучено слабо и не переиздавалось. Стихи, написанные им, можно разделить на две группы: лирику, представленную традиционными для этого жанра темами, и стихи, посвященные Украине и украинцам в Канаде. Она показательна с точки зрения анализа его идентичности. «Ода Украине: пророчество» - стихотворение, написанное на английском языке, посвященное Украине, начинается со сравнения Украины с фениксом, поднимающимся из пепла. Украинская идентичность автора в данном случае очевидна: Украина для него страна «**forgotten centuries**». Эта тема традиционна для украинской поэзии XX века. Дальнейшие размышления о судьбе Украины под «русской пятой» указывают, что в идентичности автора преобладали украинские компоненты. Утверждение, что «**the end to Moscow's rule must come to last, faith of our Fathers shall, at last, prevail**» показывает то, что первые стихи украинских авторов, написанные на английском языке, были проникнуты настроениями национал-романтиков из «пражской поэтической школы»²⁶.

Стихотворение «Нашим украинским пионерам» демонстрирует несколько иной дискурс идентичности. Оно показывает ее именно как украино-канадскую, или как украинскую, которая начинает канадизироваться. Само название, где украинские переселенцы сравниваются с «пионерами» - попытка вписать украинцев в канадскую реальность, уподобить их ранним английским колонистам. В стихотворении В. Барабаш обращается к украинцам, «принесшим нашу культуру на эти берега, перенесшим зерна с украинской почвы». Украинцы - это почти колонизаторы, освоившие дикие просторы, «гордящиеся своим именем». В дальнейшем попытки определить украинцев в категориях американо-канадской истории становятся более очевид-

²⁴ R. Breton. *Collective Dimensions of the Cultural Transformation of Ethnic Communities and the Larger Society // Migration and the transformation of Cultures*. - Toronto, 1992. - P. 3 - 21; J. Pivato. *Representation of Ethnicity as Problem: Essence or Construction // Literary Pluralities / ed. C. Verduyn*. - Peterborough, 1998. - P. 152 - 161.

²⁵ Volodimir Barabash - Poet of Optimism // <http://www.cyberbeach.net/solonyka/VB/vbbio.htm>

²⁶ V. Barabash. *Ode to the Ukraine: A Prophecy // http://www.cyberbeach.net/solonyka/VB/vbpoem11.htm*
Возможна параллель с Євгеном Маланюком, ідейним лідером «пражан»: За набі в стінах Софії, за криваву скруту Крут // Хай московське серце Росії половецькі пси роздеруть. См.: Є. Маланюк. *Варяги // Пращька поетична школа. Антологія*. - Харків, 1999. - С. 49.

ными: Барабаш писал об украинской Канаде как стране будущего, как об «обещанной земле», как о постоянном фронтире²⁷.

Творчество В. Барабаша не нашло отклика у современников, так как «этнические сообщества на первом и втором поколении эмиграции крайне обеспокоены лишь тем как сохранить себя в качестве нации». Он не был понят только канадцами и украинцами. В 1930-1940-е годы его произведения воспринимались как органически чуждые в канадском обществе и украинском сообществе. Для первых он был чужим и чуждым по определению - малообразованным эмигрантом с европейской окраины. В то же время он не был понят и прочитан соотечественниками, для которых основным языком оставался украинский. Такая ситуация подтверждает предположение Т.П. Сэйлэр о том, что «литература, создаваемая в Канаде эмигрантами, чье происхождение не было британским или французским, была маргинальной, так как выглядела не как канадская, а как только произведенная в Канаде»²⁸.

Несмотря на такую реакцию, наследие В. Барабаша показывает, что первые англоязычные произведения украинских авторов отмечены двойственной идентичностью: они воспринимали себя как украинцев, но уже начинали понимать себя как канадских украинцев, интегрируясь в канадское общество. Трудно проследить связи поэзии Барабаша с последующими англоязычными произведениями авторов украинского происхождения, но некоторые параллели возможны. И если его значение как писателя невелико, то попытки писать на английском языке крайне важны, так как свидетельствовали о значительном интеграционном потенциале канадских украинцев, об их желании найти свое место в канадском обществе, начиная с 1930-х годов.

После второй мировой войны в Канаде появляются англоязычные переводы произведений, написанных на украинском языке канадскими украинцами, которые привели к изменению отношения к украинцам в канадской литературе. Они содержали фольклорные мотивы, касаясь проблем истории заселения Канады украинцами, освоения ими прерий. Самое яркое произведение подобного плана - роман Ильи Киряка «Сыны земли», написанный на украинском языке и переведенный на английский. Книга рассказывает об украинских переселенцах, которые «селились в тысячах миль от Дауфина и Эдмонтона, без руководства, самостоятельно, не имея никакого плана и не

²⁷ V. Barabash. *To Our Ukrainian Pioneers* // <http://www.cyberbeach.net/solonyka/VB/vbpoem10.htm> О преобладании канадских черт над национальными, о процессе канадизации этнических сообществ европейского происхождения см.: K. Banning. *Playing in the Light: Canadianizing Race and Nation* // *Gendering the Nation: Canadian Women's Cinema*. - Toronto, 1999. - P. 291 - 310.

²⁸ E.D. Blodgett. *Literary History in Canada: The Nation and Identity Formation* // *Spaces of Identity*. - 2001. - No 3. - P. 44; T.P. Seiler. *Multi-Vocality and National Literature: Towards a post-Colonial and Multicultural Aesthetic* // *Literary Pluralities* / ed. C. Verduyn. - Peterborough, 1998. - P. 53.

получая помощи». Киряк писал об украинцах, которые приезжали в Канаду «из одного села, чтобы бросить свои корни на новом месте». Роман - масштабная картина истории колонизации и истории украинского канадского сообщества, начиная с конца XIX века и завершая событиями конца второй мировой войны. Канадский историк Эрик Томпсон, анализируя книгу, указывает на ее, редкое для переводного произведения, литературное качество, а самого автора относит к «народным писателям», которые могли литературно рассказать о «жизни простого народа, охваченного идеей коллективного освоения новых территорий»²⁹.

В Канаде до начала мультикультурализма неканадские интеллигенты были обречены на существование в рамках своего этно-литературного сообщества. После введения мультикультурализма канадская литература смогла зазвучать голосами этнических сообществ канадского общества. В. Барабаш попытался разрушить эту изоляцию еще в 1930-1950-е годы, Несмотря на свои попытки интегрироваться в канадское общество и литературу, ему не удалось достичь значительного успеха. Его интеграция была поверхностной и носила локальный характер. Он смог войти в жизни Калгари, но не всей Канады. Комментируя ситуацию с первыми канадскими авторами украинского происхождения Джэнис Кулык Кифер отмечает: «не один автор, происходившей не из англо-кельского сообщества, не мог ничего опубликовать»³⁰.

Принимая слова известной писательницы и исследовательницы как проявление, скорее, эмоций, а не научного анализа, мы можем упомянуть в этом контексте творчество Веры Лысенко (1910 - 1975) - англоязычной писательницы украинского происхождения, которая не только писала, но и издавала свои книги на английском языке. Вера Лысенко - это своеобразный «номер один» канадской украинской литературы. Первая, чьи произведения на английском языке заметила критика (ее работы анализировал К. Киркконнэл); первая, чьи книги стали издаваться; одна из первых, получивших в Канаде высшее образова-

²⁹ B. Budurowycz. *The changing image of Ukrainians in English-Canadian fiction* // *Journal of Ukrainian Studies*. - 1989. - Vol. 14. - No 1 - 2. - P. 143 - 157; I. Kiriak. *Sons of the Soil*. - Toronto, 1959. Украинский оригинал состоит из 1100 страниц, в английский перевод вошло около трети украинского текста. M.L. Mandryka. *History of Ukrainian Literature in Canada*. - Winnipeg-Ottawa, 1968. - P. 73; E. Thompson. *Prairie Mosaic: the Immigrant Novel in the Canadian West* // *Studies in Canadian Literature*. - 1980. - Vol. 5. - No 2.

³⁰ См. диссертацию М. Генетша, где рассмотрены проблемы положения этнических групп неканадского происхождения до и после начала политики мультикультурализма - M. Genetsch. *Difference and Identity in Contemporary Anglo-Canadian Fiction*. Dissertation. - Kiel Universität, 2003. См. также: L. Curtis, D. Gupta, W. Straw. *Culture and Identity: Ideas and Overviews*. - Halifax, 2001. - P. 9; M.S. Batts. *Multiculturalism and Canadian Literature* // *Us/Them: Translation, Transcription and the Identity in Post-Colonial Literacy Cultures* / ed. G. Collier. - Amsterdam, 1992. - P. 41 - 46; J. Kulyk Keefer. *The Sacredness of Bridges: Writing Emigrant Experience* // *Literary Pluralities* / ed. C. Verduyn. - Peterborough, 1998. - P. 103.

ние; первая, о ком упоминаю историки украинской англоязычной литературы³¹. Она - автор трех опубликованных романов на английском языке - «Мужчины в овчинных плащах» (1947), «Желтые ботинки» (1954) и «В диком западном направлении» (1956)³².

«Желтые ботинки», скорее всего, первая прозаическое книга украинского автора на английском языке. С другой стороны, это не только первое англоязычное произведение, но и первая попытка осмыслить кризис идентичности части украинского сообщества, который проявлялся в разрыве с украинской средой, забыванием украинского языка и отмиранием традиций: «За эти годы ... люди, научившиеся повсеместно приспособляться к новому, чтобы дать отказаться от много, что шло из их крестьянской традиции. Они имели очень немного, чтобы противопоставить автоматическому единообразию индустриализации - они имели только несколько символов старомодной жизни, сундук с резьбой, народную песню, пару желтых ботинок. Старые авторы песни умирали, руки, что когда-то были в состоянии сотворить гобелен, теперь не могли этого сделать, сокровища фольклора были забыты». Личный успех героини Лили Ландыш - это не просто успех, но и разрыв со своей этнической средой³³. Правда, он не сравним с той глубиной ассимиляции, которую мы наблюдаем в книгах Джэнис Кулык Кифер. А желтые туфли, которые героиня носит от случая к случаю, глубоко символичны, так как они - только напоминание о родине, которое не делает ее ближе, наоборот, уводит еще дальше.

Если канадские исследователи 1980-х годов видели в наследии писательницы «постепенную потерю украинского наследия», то современная канадская критика склонна видеть в Вере Лысенко писательницу на грани двух сообществ, языков, культур. Она «упрекается» в отсутствии четкой позиции, в невозможности классифицировать ее произведения как однозначно «лефтистские» (**leftist**) и как «модернистские». Один из первых исследователей англоязычной украинской канадской литературы М. Мандрыка видел в ее творчестве коммунистические мотивы, что, по его словам, не объективному восприятию ее книг. Последующее развитие англоязычной украинской литературы демонстрирует конфронтацию отдельных авторов с украинским

³¹ Т.В. Картон. Кіркконел про українські видання в Канаді 1961 - 1964 // Півночі сьєво. - Т.2. - Едмонтон, 1965. - С. 163 - 175; В. Rasporich. Retelling Vera Lysenko: A Feminist and Ethnic Writer // Canadian Ethnic Studies. - 1989. - Vol. XXI. - No 2. - P. 38 - 52.

³² V. Lysenko. Men in Sheepskin Coats. - Toronto, 1947; V. Lysenko. Yellow Boots. - Toronto, 1954; V. Lysenko. Westerly Wild. - Toronto, 1956.

³³ V. Lysenko. Yellow Boots. - Toronto, 1954. - P. V. Об этой проблеме см.: N. Aponiuk. The problem of identity: The depiction of Ukrainians in Canada in Canadian literature // Canadian Ethnic Studies. - 1982. - Vol. 14. - No 1. - P. 50 - 61; N. Aponiuk. Some images of Ukrainian women in Canadian literature // Journal of Ukrainian Studies. - 1983. - Vol. 8. - No 1. - P. 39 - 50.

сообществом, к которому принадлежали их родители³⁴. Несмотря на это, именно В. Лысенко заложила основы феминистской традиции, которые будут определять творчество крупнейшей канадской украинской писательницы - Джэнис Кулык Кифер. Возможно, ее выбор английского как языка творчества повлиял и на англоязычных писателей в Соединенных Штатах, крупнейшим из которых является Аскольд Мельнычук, не имеющий предшественников украинского происхождения, которые писали бы на украинские темы в США³⁵.

³⁴ A. Adamson. *Identity Through Metaphor: An Approach to the Question of Regionalism in Canadian literature // Studies in Canadian Literature*. - 1980. - Vol. 5. - No 1; E. Thompson. *Prairie Mosaic: the Immigrant Novel in the Canadian West // Studies in Canadian Literature*. - 1980. - Vol. 5. - No 2; E.D. Blodgett. *Literary History in Canada: The Nation and Identity Formation*. - P. 35; M.L. Mandryka. *History of Ukrainian Literature in Canada*. - Winnipeg-Ottawa, 1968. - P. 58.

³⁵ На английском языке в США до Аскольда Мельнычука писал прозу Юрий Тарнавський, представитель Нью-Йоркской группы, но его произведения с Украиной тематически не связаны. См.: Y. Tarnawsky. *Meningitis*. - NY., 1978. Y. Tarnawsky. *Three Blondes and Death*. - NY., 1993. Об этом см.: St. Phelps. *Meningitis // Minnesota Daily*. - July 3. - 1978; J. Byrne. *Three Blondes and Death // Review of Contemporary Fiction*. - Fall. - 1993; H. Pekar. *Three Blondes' confronts fears // Columbus Dispatch*. - August 22. - 1993.

Джэнис Кулык Кифер: канадская писательница размышляет над своими украинскими корнями

Джэнис Кулык Кифер - писательница, родившаяся в Торонто и получившая образование во Франции и Англии и живущая в Онтарио, возможно – не только самая крупная канадская писательница украинского происхождения, но и наиболее интегрировавшаяся в канадское общество. Канадская критика указывает на то, что успех писательницы - результат разрыва с украинской этнической средой³⁶. Творчество писательницы привлекает внимание исследователей, ему было посвящено две диссертации³⁷. Она пишет прозу на английском языке, ее путь к украинской тематике не прост. Она долго противилась этому, воспринимая себя именно как канадскую англоязычную писательницу, что подтверждает предположение Т. Журженко о том, что женщины-писательницы могут принадлежать к двум совершенно различным течениям - национальному или антинациональному³⁸. Первая поэтическая книга «Белизна ангелов меньших» увидела свет в 1986 году. Произведения писательницы («Экспресс Париж - Неаполь», «Созвездия»)³⁹ выходили на протяжении 1980-1990-х годов. Она - автор нескольких литературоведческих работ⁴⁰. Эти работы вышли на английском языке и найти в них что-нибудь украинское - задача сложная и невыполнимая в виду полного отсутствия украинских мотивов.

Подобно многим украинским эмигрантам, выросшим и получившим образование на Западе, ее с Украиной связывает немного. С ней она контактирует на страницах своих книг (да и то украинская тематика – не главная в ее творчестве) и на профессиональном уровне: в 1998 году она вместе с известной украинской исследовательницей Соломией Павлычко выпустила со-

³⁶ A.P. Mukherjee. *Canadian Nationalism, Canadian Literature and Racial Minority Women // Floating the Borders: New Contexts in Canadian Criticism* / ed. N. Aziz. - Toronto, 1999. - P. 151 - 172.

³⁷ Ch. Clayton. *Finding the Other Family: A Profile of Janice Kulyk Keefer // Books In Canada*. - 1998 - Vol. 27. - No 8; Ch. Clayton. *Interview with Janice Kulyk Keefer // Journal of Commonwealth Literature*. - 1999. - Vol. 34. - P. 183-197; *Divided Loyalties: Janice Kulyk Keefer's Travels Through Life and Literature Prove that you Can Come Home Again // Books In Canada*. - 1990. - Vol. 19. - No 6. - P. 18-21; C.A. Howells. *Janice Kulyk Keefer's Travelling Ladies (for Simone Vauthier) // British Journal of Canadian Studies*. - 1992. - Vol. 7. - No 2. - P. 415-425; C. Nicholson. *Grain of the Actual: Janice Kulyk Keefer and Her Writing // British Journal of Canadian Studies*. - 1992. - Vol. 7. - No 2. - P. 397 - 414; E.A. Marald. *In Transit: Aspects of Transculturalism in Janice Kulyk Keefer's Travels. Dissertation*. - Umea University, 1996; N. Tuchynska. *From ethnic towards transnational: 'The Green Library' by Janice Kulyk Keefer. Master's thesis*. - Ontario: Lakehead University, 2002.

³⁸ T. Zhurzenko. *Ukrainian Feminism(s): Between Nationalist Myth and Anti-Nationalist Critique*. - Vienna, 2004.

³⁹ J. Kulyk Keefer. *White of the Lesser Angels*. - Charlottetown, 1986; J. Kulyk Keefer. *The Paris - Napoli Express*. - Ottawa, 1986; J. Kulyk Keefer. *Constellations*. - Toronto, 1987; J. Kulyk Keefer. *Traveling Ladies*. - Toronto, 1992; J. Kulyk Keefer. *Rest Harrow*. - Toronto, 1992.

⁴⁰ J. Kulyk Keefer. *Under Eastern Eyes: A Critical Readings in Maritime Fiction*. - Toronto, 1988; J. Kulyk Keefer. *Reading Mavis Gallant*. - Toronto, 1989.

вместную работу «Киев двух земель: новое видение. Антология рассказов из Украины и Канады». В 2005 году она опубликовала исследование о развитии украинской канадской идентичности⁴¹. Однако наиболее яркие ее украинские нарративы представлены в ее прозе, в романах «Зеленая библиотека» и «Мед и пепел: история семьи»⁴². Поэтому, канадская критика склонна видеть в ней писательницу, открывающую свою «вторую страну» - Украину. Украинские исследователи отмечают, что романы вызвали споры в Украине и Канаде, где были восприняты как тексты-поиски канадской национальной идеи, в которую оказались бы вписанными судьбы послевоенных европейских эмигрантов⁴³.

В «Зеленой библиотеке» и «Мед и пепел», по словам автора, она хотела «выписать свою этническую принадлежность в прямом смысле этого слова»⁴⁴. Средствами английского языка она реконструирует украинскую действительность. Этого ее сделать не удастся, и вместо реконструкции получилась мифологизация. Она создала еще один из литературных мифов, связанных с Украиной, подтверждая свое развитие в рамках именно канадской литературы, так как для Канады создание своих литературно-национальных мифов являлось (а на фоне современного мультикультурализма - является) актуальной задачей⁴⁵. Реконструкция Украины предпринята на основе воспоминаний родственников-украинцев и впечатлений от поездок в Украину. Героиня «Зеленой библиотеки» Ива Чаун неожиданно узнает о своем на половину украинском происхождении. Это приводит к резким изменениям в ее жизни: она оказывается вынужденной пересмотреть и отказаться от сформированных годами стереотипов. Она пытается сама определить свою национальную идентичность. Другие героини книги, эмигранты старшего поколения пан Мороз и Оля Павленко, готовы к реальному возвращению в Украину. Для второго поколения канадских украинцев возвращение на историческую родину невозможно. Для третьего - возвращение может иметь только символический характер.

Героиня романа Ива Чаун готовится к поездке на родину предков. Такое содержание книги подтверждает предположе-

⁴¹ J. Kulyk Keefer, S. Pavlychko. *Kyiv, of Two Lands: New Visions, an Anthology of short fiction from Ukraine and Canada*. - Coteau, 1998; J. Kulyk Keefer. *Dark Ghost in the Corner: Imagining Ukrainian-Canadian Identity*. - Saskatoon, 2005.

⁴² J. Kulyk Keefer. *The Green Library*. - Toronto, 1996; J. Kulyk Keefer. *Honey and Ashes: the Story of Family*. - Toronto, 1998.

⁴³ Н. Тучинська. Мова і національна свідомість. Канадсько-український варіант // *Ї. Незалежний культурологічний часопис*. - 2004. - Т. 35.

⁴⁴ J. Kulyk Keefer. *Coming Across Bones: Historiographic Ethnofiction // Writing Ethnicity: Cross-Cultural Consciousness in Canadian and Quebecois Literature*. - Quebec, 1996. - P. 84 - 104.

⁴⁵ N. Carson. *Canadian Historical Drama: Playwrights in the Search of the Myth // Studies in Canadian Literature*. - 1977. - Vol. 2. - No 2.

ние канадской критики о том, что в 1990-е годы англоязычная проза национальных сообществ в Канаде отошла от традиционного для себя вопроса «Где мы?», пытаясь найти ответ на другой «Кто мы?»⁴⁶. Историческая родина и поездка туда рассматривалась в такой ситуации как один из способов найти ответ. Еще до реальной поездки она посещает Украину в воображении. Эта метафорическая поездка - своеобразный опыт знакомства с Украиной. В 1993 году Ива случайно находит старую фотографию, где видит женщину с мальчиком, который похож на ее сына. После этого у нее появляются подозрения, что она имеет украинское происхождение. Она начинает свои поиски и обращается за помощью к своим знакомым - семье Морозов⁴⁷. Оля Павленко (пани Мороз) подтверждает, что мальчик с фотографии Иван Котелько, ее отец, а его мать, бабушка ивы, - украинская поэтесса Леся Левкович, расстрелянная в Бабьем Яру. В одном из интервью Кулык Кифер призналась, что прототипом Леси стала Олена Тэлига⁴⁸.

По словам современной украинской исследовательницы Н. Тучынської, Оля Павленко - не второстепенный персонаж. Она играет роль сказочника, первооткрывателя для Ивы ее исторической родины. Одно упоминание о расстрелянной поэтессе открывает неизвестный мир украинской культуры. Факт украинского происхождения изменяет отношение Ивы к Оле Павленко. Если в ее детских воспоминаниях - она уборщица в их доме, которая не знает английского языка, то теперь она узнает, что Оля Павленко свободно говорит на английском языке и имеет два образования. Еще более удивительно для Ивы, что украинский язык и украинская культура - основные факторы национальной идентификации для Оли Павленко. Ива узнает, что ее отец так и не выучил английский язык, предпочел жить среди украинских эмигрантов. Украинский язык для него - показатель чуждости канадскому обществу.

Оксана Мороз, еще одна героиня «Зеленой библиотеки», представляет второе поколение эмиграции. Она символизирует глубину и степень ассимиляции некоторой части украинской диаспоры. Она не хочет возвращаться в Украину. Она стесняется своего украинского происхождения, а после того, как ее отец и брат возвращаются на родину - отказывается контактировать с ними. Не понимая своих поступков, не осознавая их негативной роли, она лишает себя уникальности, личности и индивидуальности. Оксана вычеркнула из памяти часть историю своей семьи, окончательно ассимилировавшись в Канаде. Ива летит в

⁴⁶ R. Hulan. *Who's There? // Essays in Canadian Writing*. - 2000. - No 71. - P. 61 - 69.

⁴⁷ J. Kulyk Keefer. *The Green Library*. - Toronto, 1996.

⁴⁸ *The Ukrainian Weekly*. - 1996. - Vol. LXIV. - No. 45. Об О. Тэлиге см.: М. Жулинський. *Олея Ольжич і Олена Теліга*. - Київ, 2001.

Украину, где встречается с Олексою Морозом. Играя с ним в слова, заучивая новые украинские фразы, она осознает, что украинский язык и украинская культура для нее родные. Поэтому, в англоязычный текст вводятся украинские слова⁴⁹. Однако, во время ссоры Алекса переводит ей с английского на украинский «I love You» и «Fuck You» - именно этот урок языка показывает ей, насколько она вернулась в Украину, хотя она и понимает, что никогда не научится свободно говорить на украинском языке. Такова точка зрения украинского критика Натальи Тучинської. Украинский канадский исследователь Максим Тарнавський інтерпретує цей аспект інакше. Коментуючи слова одного з героїв роману про відсутність в українському мові еквівалента для «Fuck You», він відзначає, що так може писати лише людина, «який має дуже вичищене уявлення про українську культуру»⁵⁰.

В романі «Зелена бібліотека» є і автобіографічні мотиви. Автор сама совершила путешествие из Канады в Киев. В романе описан ее собственный опыт сближения с культурой, которая до этого была для нее чужой. Коментуючи цю ситуацію вона пише: «спочатку я опротивлялась візиту, вдвійне сильним було у мене почуття сорому, який я завжди испытывала при одній тільки думці про Шевченка, сором за мій український мову, який змушував мене читати «Кобзаря» в перекладі». Однак відвідування музею Тараса Шевченка в Києві звільнило її від «юношеского сорому» за українське походження. На останніх сторінках «Зеленої бібліотеки» Іва дзвонить Олексе в Київ з Канади. Ця символічна сцена відновлює її зв'язок з історичною батьківщиною, з українським мовою, що, на думку української критики, говорить про бажання Дж. Кулик Кіфер показати важливість збереження українського мови для української діаспори в Канаді⁵¹. Тема подорожі і повернення нащадків європейських емігрантів і самих емігрантів на їх історичну батьківщину - не нова тема для канадських письменників європейського походження. Дж. Кулик Кіфер в одній з своїх робіт, коментуючи проблему воз-

⁴⁹ Джэніс Кулик Кіфер не самотня в сукупанні англійскага мовы з неанглійскімі лексічэскімі элементамі. См. па даннай праблеме: H.F. Tiesen. *Mother Tongue as Shibboleth in the Literature of Canadian Mennonites* // *Studies in Canadian Literature*. - 1988. - Vol. 13. - No 2; N. Aponiuk. *The use of Ukrainian names by three contemporary Canadian writers* // *The Ukrainian experience in Canada: Reflections* / ed. J. Rozumnyj, O. Gerus, M. Marunchak. - Winnipeg, 1994. - P. 304 - 311.

⁵⁰ Максим Тарнавський в зв'язі з цим пише: «Anyone who believes that Ukrainians has no equivalent for the F word has a very sanitized notion of Ukrainian culture» - M. Tarnawsky. "What is Told" in "The Green Library". *History, Institutions, Language. A Paper presented at the conference Cross-Stitching Cultural Borders: Comparing Ukrainian Experience in Canada and the United States. October 29 - 31, 1998. Toronto* // *Canadian Ethnic Studies*. - Vol. 31. - No 3. - P. 104-113.

⁵¹ Н. Тучинська. Мова і національна свідомість. Канадсько-український варіант // *І. Незалежний культурологічний часопис*. - 2004. - Т. 35; J. Kulyk Keefer. *Coming Across Bones: Historiographic Ethnofiction* // *Writing Ethnicity: Cross-Cultural Consciousness in Canadian and Quebecois Literature*. - Quebec, 1996. - P. 84 - 104.

вращения, писала, что дорога домой связана с многими психологическими трудностями: «нам говорили, что мы не можем вернуться домой, а если и вернетесь то поймете, что дом переместился, он расположен не там и не тут, не в новой или старой стране, он находится где-то по середине»⁵².

Тема возвращения - результат работы памяти и стремления зафиксировать ее в виде литературного нарратива. По словам Дж. Пивато, возвращение или путешествия в страну предков, реальное и воображаемое, помогает осознать свою историческую родину, взглянуть на нее под своим углом зрения. Оно нередко приводит к изменениям в отношении Канаде и канадского общества. Эти путешествия важны приводят пересмотр старых и традиционных семейных нарративов и стереотипов о предках-эмигрантах. Дж. Пивато пишет, что в семейных мифологиях эмигрантов уже мертвые предки предстают более живыми, чем их живые потомки. Именно поездки приводят к ревизии этого мнения среди наиболее молодых представителей этнических групп⁵³. Эти изменения и анализирует Дж. Кулык Кифер.

Роман «Зеленая библиотека» встретил разные оценки среди канадских украинцев. Скорее всего, многие восприняли его как упрощенное описание украинской действительности, как попытку автора рассказать даже не историю Украины, а истории украинцев, с которыми она знакома слабо. К тому же сама Кулык Кифер в одном из интервью заявила, что своим романом хотела рассказать «много историй»⁵⁴. Такая точка зрения автора была использована ее критиками. Исследователь украинской литературы М. Тарнавський предполагает, что основа поисков этничности в романе - это украинская история. Тарнавський указывает на поверхностный уровень знания украинской истории Дж. Кулык Кифер, предполагая, что она могла прийти на страницы романа со страниц «Украины: истории» Ореста Субтельного - издания, рассчитанного на англоязычного читателя. Украинская критика Канады указывала на то, что Дж. Кулык Кифер написала в значительной степени упрощенный роман, так как сосредоточила свое внимание на таких образах (например, Чернобыле), которые в большей степени известны и понятны для среднего канадца. Поэтому, М. Тарнавський указывает на то, что роман фрагментарен⁵⁵.

⁵² B. Thomas. *The New Historicism and the Other Old-Fashioned Topics*. - Princeton, 1991; J. Kulyk Keefer. *The Sacredness of Bridges: Writing Emigrant Experience // Literary Pluralities / ed. C. Verduyn. - Peterborough, 1998. - P. 97 - 110.*

⁵³ Об этой проблеме см.: C. Verduyn. *Memory Work / Migrant Writing // Intersexions: Issues in Race and Gender in Canadian Women Writing*. - New Delhi, 1996. - P. 106 - 115; J. Pivato. *Effects on Italian Communities of Migration to Canada: A Literary Perspective // Migration and the Transformation of Culture*. - Toronto, 1992. - P. 253 - 265.

⁵⁴ *The Ukrainian Weekly*. - 1996. - Vol. LXIV. - No. 45.

⁵⁵ *Canadian Ethnic Studies*. - Vol. 31. - No 3. - P. 104-113.

«Мед и пепел» - еще одна «украинская» книга писательницы. Комментируя ее творческую историю, она отмечала, что сама «росла с историями, которые заставили меня осознать, что я происхожу из того места, которое проникнуто историей». Следует признать, что этот роман вписывается в подобные произведения (находящиеся на грани прозы и публицистики) канадских авторов, потомков европейских эмигрантов. Примечательно, что книги подобного плана возникли в конце 1990-х годов, а их появлению предшествовал рост интереса к Восточной Европе⁵⁶, как родине значительного процента современных канадцев.

«Мед и пепел» - работа, основанная на реальных воспоминаниях автора и ее родственников. События, описываемые в книге, начинаются в 1900 году с рождением деда писательницы Томаша Соловски. Она рассматривает историю пяти поколений своей семьи и завершает посещением Киева в 1997 году. Комментируя особенности книги, она указывает на то, что «писала не только об истории семьи, но и о том, как эта семейная история переплетается с историей страны». Издатели книги указывают, что книга содержит ценный «опыт иммигрантов, общий для многих канадцев». Это - очень личный взгляд на историю Украины сквозь историю нескольких поколений одной семьи: «каждая семья имеет свои мифы и каждый из ее членов в праве их по-своему интерпретировать». Один из канадских критиков, анализируя «Мед и пепел», подчеркнул то, что книга стала ценным напоминанием того, что Украина, которую многие канадские украинцы воспринимают как родину, «не такая приятная, как мы привыкли думать». «Мед и пепел» стал попыткой обобщения опыта нескольких поколений канадских украинцев, шагом в сторону отказа от предубеждений, доставшихся в наследство от своей «старой страны»⁵⁷.

Анализируя проблему реконструкции украинской родины Дж. Кулык Кифер следует упомянуть языковой фактор. Ее отношения с украинским языком нельзя назвать идеальными. Кулык Кифер вспоминает, что дома родители с ней не разговаривали на украинском языке⁵⁸. В одной из своих статей она пишет: «через язык я узнала страшные унижения, мои учителя в украинской школе, которые знали только основы английского языка, не учили нас ни грамматике, ни лексике, придерживаясь

⁵⁶ M. Eksteins. *Walking Since Daybreak: A Story of Eastern Europe and the Heart of Our Century*. - Toronto, 1999; I. Karafilly. *Ashes and Miracles: A Polish Journey*. - Toronto, 1998; E. Hoffmann. *Exit into History: A Journey Through New Eastern Europe*. - Toronto, 1993.

⁵⁷ J. Kulyk Keefer. *Honey and Ashes: the Story of Family*. - Toronto, 1998; M. Kostash. *A Journey into Eastern Europe*. - Toronto, 1993; Y. Diakunchak. *A New Memoir by Ukrainian Canadian Kulyk Keefer // The Ukrainian Weekly*. - 1999. - Vol. LXVII. - No 9; E.-M. Krölller. *How Do You Go Back To Where You've Never Been // Canadian Literature*. - No 164.

⁵⁸ *The Ukrainian Weekly*. - 1996. - Vol. LXIV. - No. 45.

того мнения, что их задача научить нас формулировать свои мысли или исправить наше произношение. Они отказались поверить, что я не говорю на украинском языке, что он мне не родной, а чужой». Она не отрицает, что уже двадцать лет пытается понять украинский язык, историю и культуру. Языковые трудности характерны для многих канадских украинцев: если в 1990-е годы около 50 % канадских украинцев признавали украинский язык как родной, то лишь 20 % использовали его регулярно в быту⁵⁹.

Несмотря на чуждость украинского языка, ее проза содержит украинские мотивы и, поэтому, ее «украинские» книги можно интерпретировать в категориях «литературных историй». Этот контекст показывает, что ее художественное творчество представлено «гипотетическими предположениями»⁶⁰, нежели результатами научного анализа, что особенно интересно, если принимать во внимание, что Дж. Кулык Кифер не только писательница, но и известная исследовательница канадской литературы. Отрыв литературного компонента творчества от научного превращает украинские сюжеты в воспоминания, вызванные личным опытом. Это делает ее украинскую прозу уязвимой со стороны критики.

Рассматривая идентичность Д. Кулык Кифер в контексте ее отношения к родине предков, упомянем научно-исследовательскую деятельность писательницы. В центре ее интересов - модернизм и канадская литература. Ее исследования посвящены проблемам канадской литературы. Украинская проблематика и история украинской литературы, попадает в сферу ее внимания не часто. Этому способствует то, что родной язык для Д. Кулык Кифер именно английский, а украинским она владеет в меньшей степени. Поэтому, в центре ее исследований проблемы, несвязанные с Украиной вовсе: морская проза, канадский модернизм. Правда, в ряде работ она уделила внимание мультикультурализму, транскультурным связям, их отражению в литературе, проблемам этничности⁶¹. Несмотря на вы-

⁵⁹ О ситуации с украинским языком и его использовании среди потомков украинских переселенцев в Канаде см.: R. Chumak-Horbatsch. *Language in the Ukrainian Home: Its Use in Ten Toronto Families Attempting to Preserve their Mother Tongue*. PhD Dissertation. - Toronto: University of Toronto, 1984; J. Kulyk Keefer. *Gender, Language, Genre // Language in Her Eyes: Views on Writing and Gender by Canadian Woman Writing in English* / ed. L. Scheier, S. Sheard, E. Wacel. - Toronto, 1990. - P. 164 - 172.

⁶⁰ E.D. Blodgett. *Literary History in Canada: The Nation and Identity Formation*. - P. 33 - 47; D. Perkins. *Is Literary History Possible?* - Baltimore, 1992. - P. 7.

⁶¹ J. Kulyk Keefer. *Recent Maritime Fiction: Women and Words // Studies in Canadian Literature*. - 1986. - Vol. 11. - No 2; J. Kulyk Keefer. *Loved Labour Lost: Alistair MacLeod's Elegaic Ethos // Aliataire MacLeod: Essays on his Works* / ed. I. Guilford. - Toronto, 2001. - P. 72 - 83; J. Kulyk Keefer. *Home Comings / Border Crossing: Travels through Imagined and Actual Worlds // Dangerous Crossings: Papers in Transgression in Literature and Culture* / ed. M. Loeb, G. Porter. - Uppsala, 1999. - P. 15 - 30; J. Kulyk Keefer. *Personal and Public Records: Story and History in the Narration of Ethnicity // Tricks with a Glass: Writing Ethnicity in Canada* / ed. R.G. Davis, R. Baena. - Amsterdam, 2000. P. 1 - 8; J. Kulyk Keefer. *The Sacredness of Bridges: Writing Emigrant Experience // Literary Pluralities* / ed. C. Verduyn. - Peterborough, 1998. - P. 97 - 110; J. Kulyk Keefer. *From Dialogue to Polylogue: Canadian Transcultural Writing during the Del-*

сокий уровень научного анализа проблем, связанных и с украинской диаспорой, это не делает ее более близкой к украинской культурной среде.

Таким образом, ее интеграция и ассимиляция в англоканадское общество настолько глубока, что она, скорее всего, не отделяет себя от канадской литературы и именно ей посвящает большую часть исследований, так как объективно воспринимает ее как «свою». Можно согласиться со словами М. Тарнавського о том, что Д. Кулык Кифер «не является частью сообщества, которое описывает», так как ее проза «типично канадская». С другой стороны сама писательница признавалась, что хотела подавить в себе свою украинскость, так как «не нуждалась в украинском багаже»⁶². Скорее всего, Кифер удалось стать канадской писательницей раньше, чем она осознала свои связи с украинским сообществом.

В данном случае мы наблюдаем одно из проявлений канадского мультикультурализма: литература меньшинства перестает быть таковой, вливаясь в национальный литературный контекст. Произведения писательницы трудно соотносить с каким-то одним определенным типом литературы: она может быть интерпретирована в категориях этнической литературы или литературы меньшинства⁶³. В ее идентичности англоканадский элемент возобладал над украинским. Сама она позиционирует себя как в первую очередь канадскую писательницу⁶⁴. Несмотря на периодическое обращение к Украине, вопрос о ней как украинском авторе не стоит. Джэнис Кулык Кифер - англоязычный автор украинского происхождения, связь которой с канадской украинской средой, несмотря на всю искренность и наивность ее книг, слаба, поверхностна и неразвита.

uge // *Difference and Community: Canadian and European Cultural Perspectives* / ed. P. Easingwood, K. Gross, L. Hunter. - Amsterdam, 1996. - P. 59 - 70.

⁶² *The Ukrainian Weekly*. - 1996. - Vol. LXIV. - No. 45.

⁶³ Об этих процессах в рамках мультикультурализма см.: N. Aponiuk. *Ethnic Literature, Minority Writing, Literature in Other Languages, Hyphenated-Canadian Literature - Will It Ever Be "Canadian"?* // *Canadian Ethnic Studies*. - 1996. - Vol. 28. - No 1. - P. 1 - 7; M. Tarnawsky. "What is Told" in "The Green Library" // *Canadian Ethnic Studies*. - Vol. 31. - No 3. - P. 104-113.

⁶⁴ В одном из интервью она сказала, что «do not know the language. I see myself as a Canadian-Ukrainian writer». См.: *The Ukrainian Weekly*. - 1996. - Vol. LXIV. - No. 45.

**Аскольд Мельнычук:
американский украинец описывает и
переосмысливает украинскую историю
и историю своего сообщества**

Аскольд Мельнычук родился в семье украинских эмигрантов в Нью-Джерси в 1954 году. Подобно другим детям эмигрантов он рос в украинской среде и смог успешно интегрироваться в американское общество: он – профессор университета Массачусетс—Бостон, ведет писательский семинар в Беннингтонской высшей школе. Мельнычук известен как писатель и переводчик. В 1972 году он начал издавать журнал *AGNI*, который стал самым известным его проектом. Для нас он интересен как автор романов, написанных на английском языке и ставших его попытками представить и описать свою украинскую родину и родину своих предков. В 1994 году выходит его роман «*What is Told*»⁶⁵, переведенный на украинский язык и изданный в 1996 году под названием «Що сказано»⁶⁶. В 2002 году на английском выходит его второй роман «*Ambassador of Dead*»⁶⁷, пока не переведенный на украинский, но переведенный на русский⁶⁸.

Если первый роман Мельнычука, уже получивший изучений и поэтому не анализируемый в рамках настоящей статьи⁶⁹, можно интерпретировать если не в категориях исторического романа, то хотя бы романа про историю, вторая книга почти полностью посвящена истории украинской диаспоры в США на примере двух украинских семей – Круков и Блудов. Роман нельзя назвать автобиографическим, хотя некоторые моменты основаны на личном опыте автора. Герой «Посла мертвых» Ник Блуд родился уже в Америке и рос в атмосфере сохранения украинских традиций и языка усилиями украинцев, которые были перемещенными лицами и недавно стали жителями США. С Украиной, старой родиной, Ника Блуда по началу связывали родители, но после смерти «почти утратил какие бы то ни было связи с общиной, в которой вырос»⁷⁰. Поэтому он с такой готовностью едет к Аде Крук – матери друга своего детства Алекса. На фоне этой поездки раскрывается история двух украинских

⁶⁵ A. Melnyczuk. *What is Told*. – Boston – L., 1994.

⁶⁶ А. Мельнычук. *Що сказано*. – Харків, 1996.

⁶⁷ A. Melnyczuk. *Ambassador of Dead*. – Boston, 2002.

⁶⁸ А. Мельнычук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 5 – 6.

⁶⁹ M. Tarnawsky. "What is Told" in "The Green Library". *History, Institutions, Language. A Paper presented at the conference Cross-Stitching Cultural Borders: Comparing Ukrainian Experience in Canada and the United States. October 29 - 31, 1998. Toronto // Canadian Ethnic Studies. - Vol. 31. - No 3. - P. 104-113; I. Koznarska Casanova. Askold Melnyczuk receives PEN award for magazine editing // The Ukrainian Weekly. – 2001. – Vol. LXIX. – No. 21; Reading by Askold Melnyczuk slated at Printers Row Book Fair // The Ukrainian Weekly. – 2002. – Vol. LXX. – No. 21.*

⁷⁰ А. Мельнычук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 5. – С. 87.

семей, показано как изменялось их отношение к «старой родине» – к Украине.

В таком контексте символично название романа – «Посол мертвых». Если, читая его первые главы нам кажется, что Ада Круг и есть этот своеобразный посол, связывающий украинцев в Америке с их родиной. Она – живая память, хранительница воспоминаний. Поэтому, диалог с ней превращается в ее монолог, рассказ-воспоминание о том, как она и другие украинцы жили там, в Украине, которую дети, Ник и Алекс, так никогда и не видели. Воспоминания Ады – глубоко персонифицированы, но и не уникальны. Это – личный срез украинской истории XX века. Если перцепция украинской истории у Дж. Кулык Кифер во многом наивна, то Мельнычук, в большей степени владеющий украинским языком, осведомлен явно лучше. Его Ада помнит и Голодомор, и политические репрессии, и войну, и ту противоречивую роль, которую в ней сыграли украинцы. Его герои способны и на некоторые «историографические» обобщения – они понимают, что в школе в Украинской ССР им преподносили одну историю, а дома они учили другую⁷¹. Этим эпизодом Мельнычук стремится подчеркнуть множественность памятей и исторических опытов в Украине XX века.

Украинская история в описании Мельнычука многоуровневая: он нашел место и для национальных стремлений украинцев и для того, чтобы вспомнить о том, о чем многим его современникам вспоминать неудобно и неприятно – об участии немцев во второй мировой войне на стороне Германии, о еврейских погромах, которые устраивали украинцы в годы войны, о немецких репрессиях против украинской национально настроенной интеллигенции. В этой перспективе его книга может быть интерпретирована в категориях, как этнической литературы, так и литературы меньшинства⁷², потому что как бы не был автор интегрирован в американский интеллектуальный и литературный эстаблишмент его проза будет, скорее, интересна этническим украинцам или их потомкам, сохранившим связи с украинским сообществом. Мельнычук не вычищает украинскую историю и не идеализирует ее⁷³. Для него отношение к истории – повод подчеркнуть свою идентичность, а сама история превращается в сферу, где он выстраивает свое украинское самосознание⁷⁴. Он выстраивает его таким, каким видит без идеали-

⁷¹ А. Мельнычук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 5. – С. 128.

⁷² N. Aponiuk. 'Ethnic literature', 'Minority writing', 'Literature in other languages', 'Hyphenated-Canadian literature: Will it ever be Canadian?' // *Canadian Ethnic Studies*. – 1996. – Vol. 28. – No 1. – P. 1 – 7.

⁷³ А. Мельнычук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 6. – С. 93.

⁷⁴ Об использовании истории в конструировании национальной идентичности см.: Б. Андерсон. *Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму*. – Київ, 2001; З.Є. Козут. *Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні // З.Є. Козут. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України*. – Київ, 2004.

заций, хотя украинские авторы в Америке до него неоднократно писали, что в глазах американцев и канадцев украинцы выглядели злыми антикоммунистами, непримиримыми антикоммунистами, антисемитами и немецкими подручными⁷⁵. С другой стороны, он и не вкладывает в уста своих героев критические оценки этих событий. История предстает как череда личностных опытов и переживаний украинцев-эмигрантов. На фоне влияния на Дж. Кулык Кифер Субтельного перцепция украинской истории, которую мы находим у Мельнычука, формирует несколько иной, более реалистичный, образ Украины.

«Посол мертвых» - это, своего рода, роман-воспоминание, попытка автора вспомнить историю своих предков и через нее найти свою Украину. Однако, сделать этого он не может, так как рос в Америке и, поэтому, старшее поколение эмигрантов выступает в качестве своеобразных посредников. Именно они доносят нарратив об Украине, нарративы Мельнычука – это, скорее, нарративы о нарративах – переосмысление опыта старших. Поэтому, он признает, что поколение его родителей «постоянно вспоминало о тех местах, которых никто из нас, детей, никогда не видел, и рассказывали истории, которых мы не могли себе представить, на языке, на котором, как мы считали, нигде на свете, кроме наших домов, не говорили». Отношения отцов и детей он не идеализирует, показывая, что дети проявляли мало интереса к родине родителей: «Мы бегали и дурачились, но не было никакой возможности увильнуть от взрослых, заставлявших нас без конца повторять стихи на их языке». В сознании ребенка Украина и украинские родственники существуют, но выглядят уже несколько нереально: он знал о двоюродных дядьках и тетках, «которые томились на старой родине»⁷⁶, но это не делало их более реальными и значимыми для него. Постепенно они становились частью той старой родины, которая все более казалась чужой. Эта сюжетная линия романа, навеянная личным опытом, подтверждает выводы исследователей украинской идентичности в диаспоре, которые предполагают, что украинцы, родившиеся в Америке уже не смогли получить идентичность, которую имели их родители, так как воспитываясь в американской среде⁷⁷. В такой ситуации нарративы об украинской «старой родине», хотя и сохраняли свою актуальность, но быстро американизировались и, поэтому, были не так

⁷⁵ Об этом в частности писал Зенон Евген Когут: З.Є. Когут. *Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України*. - Київ, 2004. – С. 7 – 8.

⁷⁶ А. Мельнычук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 5. – С. 91.

⁷⁷ О формировании самосознания украинцев в англоязычной среде и их постепенном отходе от украинской культуры см.: L. Butska. *Writing and reading ethnicity: Vera Lysenko, George Ryga, and Myrna Kostash negotiate cultural and creative spaces. Unpublished master's thesis*. – Guelph: University of Guelph, 1994.

привлекательны для них как собственно американские перспективы.

Взрослые же эмигранты стремились постоянно культивировать особый образ Украины, как именно своей родины, что подчеркивалось во всем – и в совместном обеде («обед был коллективным мероприятием, все собирались за источенными древесными жучками садовыми столиками среди сосен. Хозяйки накрывали их клеенчатыми скатертями и ставили картонные тарелки. В полдень появлялось множество блюд: холодный борщ, разумеется, колбаса, ветчина и даже хлеб — все домашнее»⁷⁸) и в коллективной молитве. Культивирование всего украинского было одним из каналов поддержания украинской национальной идентичности в Америке. С одной стороны, украинские эмигранты были вовлечены в регулярное декларирование и подчеркивание своей украинскости, что проявлялось в популяризации украинской культуры на бытовом уровне⁷⁹. С другой стороны, религия так же играла роль канала для поддержания украинского самосознания.

Именно, молитва была для украинцев в США неким таинством, которое, казалось бы, сближало их с покинутой Украиной, так Церковь была одним из наиболее акторов в культивировании украинской идентичности⁸⁰. Роман же Мельнычука интересен тем, что он продемонстрировал бытовой дискурс восприятия этого идентичностно-культивирующего влияния церкви. «Несколько сотен людей восхищенно внимали бубнящему голосу лысого священника, только мы не участвовали в молитве. Я в последний раз взглянул на фигуру матери, заштрихованную переkreщивающимися солнечными лучами, на стоявшего рядом с ней отца, на чьем лице была написана крайняя сосредоточенность — видимо, для них происходящее действительно много значило»⁸¹. Для американских украинцев старшего поколения, которые сохранили связи с украинским сообществом, роман Мельнычука интересен как зазвучавший этнический голос украинцев⁸², выросших в Америке. То, что он звучит по-английски уже не столь важно, так как позиционирует в первую очередь именно украинские образы. Однако Мельнычук показывает, что для молодых украинцев, которые росли в Америке, весь этнический антураж не играл связующей роли с Украиной и прошлым родителей. Они, наоборот, от этого прошло-

⁷⁸ А. Мельничук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 5. – С. 98.

⁷⁹ См.: G. Melnyk. *The Ukrainian tradition // The literary history of Alberta*. – Vol. 1. – Edmonton, 1998. – P. 145-149; A. Pritz. *Ukrainian cultural traditions in Canada: Theatre, choral music and dance, 1891-1967*. Unpublished master's thesis. – Ottawa, University of Ottawa, 1977.

⁸⁰ L. Emanuel. *Attitudes towards identity in a Ukrainian Orthodox parish*. – Edmonton, 1975.

⁸¹ А. Мельничук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 5. – С. 92.

⁸² E. Mandel. *Ethnic voices in Canadian writing // Identities: The impact of ethnicity on Canadian society / ed. W. Isajiw*. – Toronto, 1977. – P. 57 – 68.

го стремились отстраниться, так как оно для них было «картой минного поля, причем – у каждого своя»⁸³.

Украинские герои романа вброшены автором в жизнь среднего американского городка Рузвельт, где их соседи – такие же эмигранты – русские, итальянские, польские. Мельнычук не склонен оценивать историю украинской диаспоры как уникальное явление, создавая ее образ как постепенное умирание привнесённой культуры, языка и традиций⁸⁴. Вот почему, многие украинцы в Америке заболели метафорической «болезнью исчезновения», когда украинское постепенно отмирало, и украинцы превращались в американцев. В то время, как «каждое воскресенье из-под сводов церкви, увенчанных воздушными золотыми куполами-луковицами, на улицу выплескивалась толпы старых и новых иммигрантов», а многие стремились остаться украинцами («ошеломленные новым миром, люди отвечали на давление чуждых внешних сил тем, что раздували в себе пламя миссионерства. Они собирались именем Бога, и общая цель заряжала их дух, наделяя практическим рвением»), тех, у кого такое желание отсутствовало, было не меньше. Некоторые стремились противостоять прошлому, повторяя себе «Слава Богу, мы в Нью-Джерси. Америка. Это - Америка». Поэтому, они считали, что «нужно радоваться настоящему, что бы ни случилось на старой родине»⁸⁵.

Однако настоящее нередко украинцев не радовало, и они вынужденно доказывали американцам, что они украинцы, а не русские. В своем романе Аскольд Мельнычук описывает, видимо, автобиографический эпизод, связанный с его опытом обучения в американской школе. По словам Мельнычука, украинские дети в американских школах нередко переживали одно и то же унижение, связанное с родной историей. Он пишет, что воспитывался в своеобразной атмосфере гипертрофированной любви к Украине и нетерпимости к ее врагам: «наши родители были выходцами из страны, которая в какой-то момент словно бы исчезла с лица земли, что имело исключительные последствия, от которых я в значительной мере был защищен тем, что посещал католическую школу при церкви. Там, под присмотром агрессивных монахинь и пламенных дьяконов, мои тревоги приобретали форму обычных подростковых комплексов». Американская школа встречала их совершенно иначе: одна из американских учительниц спросила Алекса Крука, как его фамилия и тот, ответив, был поправлен учительницей, что такой фами-

⁸³ А. Мельнычук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 5. – С. 96.

⁸⁴ Об особенностях развития диаспорных групп европейского происхождения см.: Ch.M. Bayley. *The social structure of the Italian and Ukrainian immigrant communities in Montreal, 1935 – 1937*. – Montreal, 1939; M.A. Binns. *Cultural pluralism in Canada: an exploratory study of the Italians and the Ukrainians in London, Ontario*. – London (Ontario), 1971.

⁸⁵ А. Мельнычук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 5. – С. 99.

лии нет и надо произносить Круг. Такая автобиографическая деталь подтверждает предположение канадской историографии о том, что украинский голос в американском и канадском обществе на протяжении длительного времени звучал по-украински и, поэтому, не был услышан англоязычным большинством⁸⁶. Когда же он зазвучал по-английски американцы были не готовы воспринимать его. Алекс возражает ей, говоря, что такая фамилия существует и, что он – украинец. Она же просит показать Украину на карте, что он сделать не может. Американка резюмирует: «такой страны нет, это теперь Россия»⁸⁷. Дома Алекс рассказывает это матери и та пытается его убедить, что он не представитель меньшинства, а полноценный человек⁸⁸. Увещевания матери оказываются бесполезными и в следующий раз он заявляет учительнице, что он – итальянец: кто такие итальянцы она знает и этим все заканчивается. Болезнь исчезновения становится все более очевидной. В романе эта ситуация дополняется и тем, что автор использует не украинские имена, а американские аналоги – Николас вместо Мыкола, Алекс – вместо Алексей⁸⁹. Это свидетельствует о постепенном отдалении англоязычных американских авторов от украинского сообщества, что проявляется в сокращении украинского национального колорита, в том числе и в лексической сфере.

Молодые американские украинцы все более противопоставляют себя своим родителям. Например, Алекс осуждает увлечение матери сбором открыток, которые напоминали ей ее старую жизнь в Украине. В разговоре с Ником он говорит, что когда мать смотрит на него, то видит свое прошлое. Это они называют «синдромом прошлой жизни» - поведения родителей, которое «мы ни как не могли объяснить». И когда молодые американские украинцы говорят о проблемах, они видят истоки только в одном: «все из-за этого проклятого прошлого»⁹⁰. Если для молодежи прошлое было негативно окрашено, то старшие, например, Ада некоторые его эпизоды могли идеализировать. Пример такой идеализации - ситуация с Антоном, первой любовью Ады, который после войны уехал в Англию, где стал университетским профессором. И вот украинцы, которые «живут внутри этнического циклона, атмосфера в котором всегда была

⁸⁶ J. Young. *The unheard voices // Identifications: Ethnicity and the writer in Canada / ed. J. Balan. – Edmonton, 1982. – P. 104 – 115.*

⁸⁷ Случай, описанный Мельничуком, видимо, не уникальный. О таком отношении пишет и З.Е. Козут. См.: З.Е. Козут. *Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України. – Київ, 2004. – С. 7.*

⁸⁸ А. Мельничук. *Посол мертвых // Дружба народов. – 2004. – № 5. – С. 101 – 102.*

⁸⁹ Об использовании иностранных имен в литературе писателей европейского происхождения см.: N. Aroniuk. *The use of Ukrainian names by three contemporary Canadian writers // The Ukrainian experience in Canada: Reflections / Eds. J. Rozumnyj, O. Gerus, & M. Marunchak. – Winnipeg: Ukrainian Academy of Arts and Sciences in Canada, 1994. – P. 301 – 311.*

⁹⁰ А. Мельничук. *Посол мертвых // Дружба народов. – 2004. – № 5. – С. 121.*

бурной» приходят послушать его лекцию ... и оказываются разочарованными – пророк, которого они так долго ждали, оказался лжемессией, говорившим с ними по-английски. После этого никто не решился к нему подойти, и даже Ада вынесла свой вердикт: «он продался англичанам»⁹¹.

В таком контексте очевидно стремление Мельнычука показать, что развитие американской украинской диаспоры в Америке отличалось тенденцией к разрушению единства внутри некогда сплоченной украинской общины. К моменту детских и юношеских лет писателя украинская диаспора в США уже в значительной степени была дефрагментированной и не только в политическом плане⁹². Она была расколота и в отношении к месту самих украинцев в рамках общества Запада. Если для значительной части украинцев главной задачей было сохранение именно украинской идентичности, то для второй не менее важным было интеграция в общество новой родины. Если первые были настроены на сбережение традиционных ценностей, то вторые – склонялись к постепенной модернизации украинских общин. В данном случае герои Мельнычука, Ада и Антон, воплощают две эти тенденции. Примечательно то, что Мельнычук не склонен к схематизации внутрдиаспорных отношений и не сводит дихотомию «консерватизация – модернизация» к дихотомии «старшее поколение – младшее поколение», показывая, что каждый из сегментов украинского диаспорного сообщества не знал внутреннего единства.

Однако, именно благодаря Антону, она узнает о своей роли «посла мертвых» - так называется повесть, которую он приносит ей на следующий день и дарит, делая предложения, на которое Ада отвечает отказом. В книге Антона она фактически прочитала историю своей жизни. Возвращение к прошлому становится для нее своеобразной психологической терапией, в то время как ее собственные сыновья «все больше отдалялись от нее, уже несколько лет, как они отказались говорить по-украински и полностью перешли на английский». Это становится для нее настоящей трагедией, так как «смысл ее жизни состоял в том, чтобы быть мостом между мирами, только, похоже, движение по этому мосту было односторонним»⁹³. Молодые украинцы, хотя и понимали и говорили на украинском языке уже не воспринимали украинское как свое. Общение со старшим поколением постепенно становилось односторонним: ин-

⁹¹ А. Мельничук. *Посол мертвых* // Дружба народов. – 2004. – № 5. – С. 122 – 123.

⁹² См. об украинской диаспоре и эмиграционных политических тенденциях: *Зарубіжні українці. Довідник / під заг. ред. С.Ю. Лазебника*. – Київ, 1991; Р. Yuzyk. *Ukrainian Canadians*. – Toronto, 1967; П. Кравчук. *Українці в Канаді*. – Київ, 1980; Дм. Прокоп. *Українці в Західній Канаді*. – Едмонтон – Вінніпег, 1983; А.М. Шлепаков. *Українська трудова еміграція в США і Канаді*. – Київ, 1960; S.S. Roslycky. *A study of politico-ideological divisions among Ukrainian-Canadians*. – Winnipeg, 1986.

⁹³ А. Мельничук. *Посол мертвых* // Дружба народов. – 2004. – № 6. – С. 99.

теллектуальные призывы старших эмигрантов воспринимались как правило их ровесниками, в то время как молодежь ментально и интеллектуально была ориентирована на прием совершенно других сигналов⁹⁴. Ее миссия донести прошлое, память об уже умерших украинских предках, становится почти никому ненужной. Украинцы сторонятся ее, стремясь все более походить на среднего американца. Они «старались продемонстрировать большинству определенный образ: человек при галстукке, женатый, исправно выплачивающий кредит, — член некой лиги». Она осознает, что «им не хватало смелости быть самими собой — мешал страх обнаружить темные стороны души»⁹⁵.

Поэтому, многие украинцы, даже эмигранты, которые помнили «старую родину», отдаляются от нее. Прошлое перестает быть для них объединяющим фактором, и Мельничук, руководствуясь, возможно, личным опытом пишет: «У моей мамы, успешно освоившейся в новой роли жены американского доктора, был пунктик: она ни под каким предлогом не желала говорить о прошлом. Пунктик был несколько даже навязчивым, поскольку я не припоминаю, чтобы в шестнадцать лет так уж интересовался этим прошлым. Каждому — свое время, это наш общий дар»⁹⁶. В такой ситуации иногда даже молодежь, например, Алекс начинала задумываться о прошлом: сам не понимая почему, Алекс думал о матери, ее родственниках, которых он ни видел, он пытался представить себе их лица. Это приводило его в замешательство — он не был готов к этому, значит — не все украинское в нем умерло. Однако Алекс не находя объяснения, говорит «как же мы здесь одиноки» и гасит свое раздражение алкоголем⁹⁷.

Не находя своего место ни среди американцев, ни среди украинцев, Алекс в очередной раз в алкогольном угаре попадает в больницу, куда приходит навестить его Ник. Здесь он и сталкивается с тем, что друг его детства все более отторгает от себя все украинское. Комментируя визиты к украинским родственникам, он лишь едко замечает: «как будто попадаешь с вечеринки в психушку». Память старшего поколения («вся эта украинская галиматья») становится неинтересной и молодежь начинает относиться к ней с сомнением. В данном контексте возможно параллель с развитием этнической литературы в соседней Канаде: если там она упорно искала свое место на протяжении 1960-

⁹⁴ Об этой проблеме см.: Y. Balan. *Salt and Braided Bread: Ukrainian Life in Canada*. — Toronto, 1984; W.A. Czumer. *Recollections about the Life and the First Ukrainian Settlers in Canada*. — Edmonton, 1981; O.W. Gerus, J.E. Rea. *Ukrainians in Canada*. — Ottawa, 1985; *A Heritage in Transition: Essays in the History of Ukrainians in Canada* / ed. M. Lupul. — Toronto, 1982.

⁹⁵ А. Мельничук. *Посол мертвых // Дружба народов*. — 2004. — № 6. — С. 103.

⁹⁶ А. Мельничук. *Посол мертвых // Дружба народов*. — 2004. — № 6. — С. 104.

⁹⁷ А. Мельничук. *Посол мертвых // Дружба народов*. — 2004. — № 6. — С. 115.

1970-х годов и нашла его к 1980-м⁹⁸, то американская литература представленная авторами украинского происхождения остается в значительной степени маргинальной, находящей крайне ограниченный круг читателей-потребителей. Опыт родителей заключается для них в простой и бесхитростной маргинальной формуле: «они всех имели, их все имели, а теперь они своими рассказами имеют нас». Ник видит, что его друг говорит о своей матери и других украинцах с ненавистью, но он находит в себе силы понять его: «рассказы украинцев были такими запутанными, в них трудно было отделить реальность от мифа и понять, чья же версия верна. Гораздо легче было все это просто забыть»⁹⁹.

«Посол мертвых» - это и история постепенного забывания своих корней. Мельнычук показывает, как старшие Блуды не воспитывают интерес сына к прошлому, к старой родине. Они делали это лишь до тех пор, пока в Украине была жива мать отца. После ее смерти они уезжают в другой город и связи с украинской общиной оказываются разорванными. Ник понимает, что родители стремятся, как можно надежнее закрыть дверь в прошлое, чтобы оно перестало им напоминать о том, кто они. Они даже меняют фамилию – с Верблюды на Блуд. Ассимиляция становится более ощутимой¹⁰⁰. Вот почему, Мельнычук пишет, что «представления о бывшей родине у них быстро американизировались». И поэтому, если «первые свои двенадцать лет я прожил в замкнутом мирке коммуны точно так же, как остальные дети наших соседей-соотечественников, и это, хоть отдаляло нас от сверстников-американцев, одновременно давало ощущение определенности и смысла»¹⁰¹, то последующие годы стали годами поиска ответа на вопросы: «Что такое старая родина?» и «Что значит быть украинцем в Америке?».

В данном случае возможна ментальная параллель между Аскольдом Мельнычуком и Зеноном Когутом как представителями разных поколений украинской диаспоры. Они – представители американо-канадского университетского научного сообщества. Мельнычук мучился этими вышеупомянутыми вопросами, так как его идентичность формировалась как в первую очередь американская и уже потом – как собственно украинская. Идентичность Когута, по его собственному признанию складывалась изначально как украинская и для него эти вопро-

⁹⁸ R. August. *Babeling beaver hunts for home fire: The place of ethnic literature in Canadian culture* // *Canadian Forum* – 1974. – August. – P. 8 – 13.

⁹⁹ А. Мельнычук. *Посол мертвых* // *Дружба народов*. – 2004. – № 6. – С. 118.

¹⁰⁰ Об ассимиляции украинского населения в англоязычной среде Северной Америке см.: A.B. Anderson. *Assimilation in the bloc settlements of north-central Saskatchewan: a comparative study of identity change among seven ethno-religious groups in a Canadian prairie region. Doctoral Dissertation*. – Saskatoon: University of Saskatchewan, 1977; L. Fedorkiv. *Ukrainian surnames in Canada*. – Winnipeg, 1977.

¹⁰¹ А. Мельнычук. *Посол мертвых* // *Дружба народов*. – 2004. – № 6. – С. 119.

сы были актуальны в меньшей степени¹⁰². Поэтому, заметно разное отношение к выбору предмета исследования – если для Когута культивирование своей украинской идентичности связано с изучением Украины, то есть донесением украинской истории до американцев и канадцев, то Мельнычук от изучения американской проблематики лишь со временем переходит к украинской. Поэтому, он не в состоянии ответить на вопрос «Что значит быть украинцем в Америке?». Показывая то, как его герои культивировали свою идентичность, он затрагивает лишь внешнюю сторону проблемы, в то время как вопросы выстраивания идентичности остаются без ответа.

После смерти родителей эти вопросы для Ника Блуда становятся особо актуальными, и он идет за ответами к единственному человеку, который мог помочь, к Аде. От нее он и узнает правду, которая оказалась более страшной, чем он предполагал. Без осуждения, но с сочувствием Ада рассказывает ему о Голодоморе, о том, как выживала его мать: «ходили слухи, что она выжила за счет своей сестры... Не знаю, правда ли это. Это случилось во время Голода, в тридцатые годы, тогда погибли миллионы людей. О тех временах рассказывают много ужасов, кто знает, что в этих историях правда? Говорили, что во время Голода они с матерью уехали в деревню. У крестьян не осталось ничего, и они принялись друг за друга. Младшая сестра твоей матери умерла, и твоя бабушка попыталась спасти старшую дочь единственным доступным ей в тех условиях способом. И спасла. Твоя мать выжила». Об отце же она говорит, что в свое время видела его в немецкой форме¹⁰³.

В дальнейшем Мельнычук сознательно описывает духовные мучения американского украинца, стремясь показать его, в первую очередь, как человека, чем стремится избежать той ситуации негативного отношения к украинцам как к диким пастухам с европейской окраины или военным преступникам, связанных с нацистами. Такая ситуация была, в частности, характерна для Канады, где англоязычным писателям украинского происхождения было довольно-таки сложно сформировать положительный образ американского украинца-эмигранта¹⁰⁴. Спасение от таких воспоминаний Ник Блуд ищет в Европе: в Италии он случайно встречает украинца-монаха из Канады, который приглашает его в украинский монастырь. Неожиданно для себя он соглашается и в монастыре встречает Антона, который оказывается для него еще одним «послом мертвых». Антон объясняет ему,

¹⁰² З.Є. Когут. *Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України*. - Київ, 2004. – С. 7.

¹⁰³ А. Мельнычук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 6. – С. 121.

¹⁰⁴ В. Budurowycz. *The changing image of Ukrainians in English-Canadian fiction // Journal of Ukrainian Studies*. Vol. 14. – No 1 – 2 (Special Issue) / eds. E. Burstynsky, R. Lindheim. – 1989. – P. 143 – 157.

что тот пытается найти корни и говорит, что ему повезло уже из-за того, что в Америке у него возникло такое желание. Антон и подтверждает и опровергает рассказы Ады: от него он слышит, что его тетка (умершая во время голода сестра матери), которую он так и не увидел, стала жертвой принесенной во имя того, чтобы он смог появиться на свет. От него он узнает, что отец не служил в вермахте, хотя «таких украинцев были тысячи, наши руки в крови, этого нельзя отрицать». Однако, Антон не в силах ответить на его главный вопрос: «И что же мне делать?». Он ограничивается лишь тем, что замечает: «ничего, грехи отцов – старая история»¹⁰⁵. Николас же от этого наследия не в состоянии отказаться, так как это часть его личной истории, истории семьи. С другой стороны, он не в состоянии взять исключительно украинские нарративы и выстраивать свою жизнь, основываясь только на них. Поэтому, герой Мельнычука постоянно вынужденно сочетает два наследия - украинское, полученное от предков и американское, приобретенное в годы социализации¹⁰⁶.

В итоге Ник, ставший уже врачом, продолжает своими силами выстраивать свою идентичность. Такая позиция Мельнычука свидетельствует о том, что литература писателей, выходцев из европейских сообществ, тесно связана с их идентичностью: литература воспринимается ими как площадка для проявления своей этничности¹⁰⁷. Он вновь возвращается к Аде: та неожиданно вызывает его ночным звонком. Прежде чем сказать ему, зачем она его вызвала, она, словно, отчитывает его: «Ты мало знаешь о своей культуре и своем народе. Ешь побольше, ты же хочешь стать американцем. Но что такое американец? Здесь все откуда-то приехали. Пройдут века, но американцы в первую очередь останутся людьми, откуда-то приехавшими. Большинство из них помнят. Ирландцы помнят. Англичане помнят. Африканцы помнят. Корейцы, евреи. И ты должен помнить». Она напоминает ему: «ты свой мир получил в наследство от нас»¹⁰⁸. когда же она говорит ему, чтобы тот пошел и посмотрел ее сына Алекса в соседней комнате, то тот уже мертв. Все становится ясно: Ада больше долго не протянет, и «послом мертвых» станет он.

В целом украинская тематика в романе Аскольда Мельнычука прописана более тонко и реалистично, возможно – более украински. Это стало возможно в силу того, что он в большей степени владеет языком, часто бывает в Украине и периодически

¹⁰⁵ А. Мельничук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 6. – С. 125.

¹⁰⁶ О ситуации двойного наследия и его места в идентичности на примере украинской диаспоры в Северной Америке см.: А. Kruchka Glynn. *Vera Lysenko, Ukrainian Canadian: the expression of her dual heritage in her life and works*. – Edmonton, 1993.

¹⁰⁷ *Identifications: Ethnicity and the writer in Canada / ed. J. Balan*. – Edmonton, 1982.

¹⁰⁸ А. Мельничук. *Посол мертвых // Дружба народов*. – 2004. – № 6. – С. 127.

ски обращается к творчеству украинских авторов, переводя их на украинский язык. Роман базируется на своеобразной триаде: воображение – представление – культура¹⁰⁹. Мельнычук сознательно конструирует американское украинское сообщество, представляет его американскому англоязычному читателю, что создает специфический тип украинской, локализованной в Америке, культуры, который базируется, возможно, на американском политическом и украинском этническом опыте. Скорее всего, именно это знакомство Мельнычука с украинской литературой в первоисточнике позволяет воспринять его как украинского американского писателя. Однако украинские сюжеты ограничены набором тем, хорошо понятных для англоязычного читателя – голод, война, эмиграция... По сравнению с американской линией украинская поэтому прописана несколько слабее. Американские сюжеты – одна из сильных сторон книги. Здесь Мельнычук описал то, что знает реально, на чем базируется его личный опыт. И та Украина, которую мысленно представляли себе американские украинцы, литературно явно выписана лучше, чем Украина, представленная в собственно украинской линии романа.

¹⁰⁹ M. Kostash. *Imagination, representation, and culture // Literary pluralities* / ed. C. Verduyn. – Peterborough, 1998. – P. 92 – 96.

Вместо заключения

Канадские и американские украинцы смогли относительно быстро найти свое место в американском и канадском обществе, интегрировавшись в него. Эта интеграция не означала полной ассимиляции, разрыва с языком и культурой. Украинцы были в состоянии сохранить важнейшие атрибуты нации и способствовать утверждению в Канаде мультикультурализма. Сохранение идентичности не исключает глубокой ассимиляции. Степень ассимиляции различна, она привела к отдалению от украинской общины значительного числа граждан Канады и США украинского происхождения. Глубина ассимиляции очевидна, если обратится к анализу творчества американско-канадских писателей с украинскими корнями. Анализируя их работы, мы можем разделить их на несколько групп. Первая группа представлена авторами украинского происхождения, которые являются двуязычными. Английский язык – не основной язык их творчества. Писатели второй группы знают оба языка, но пишут на английском. Степень владения украинским различна, варьируясь от поверхностной до глубокой. Третья группа - авторы украинского происхождения, которые пришли к украинскому языку и культуре в зрелом возрасте. Они не в состоянии в совершенстве овладеть им, и он не станет языком их творчества. Авторы четвертой группы, имея украинские корни, уже не идентифицируют себя с украинской культурой. Родной для них язык - английский, на котором написаны их произведения. Степень их интеграции наиболее глубока. В зависимости от стиля, направленности и содержания произведений мы можем отнести Кулык Кифер и Мельнычука к любой из этих групп.

Разделив американско-канадских писателей украинского происхождения на четыре группы, возможно выделить несколько вариантов описания украинского опыта. К украинской теме обращаются не все канадские авторы с украинскими корнями. Наиболее ясные и четкие и соотносящиеся с реальной ситуацией образы Украины мы находим у двуязычных писателей. Приходится признать, что украинский язык - важнейший канал приобщения к украинской культуре и истории. Владение им, осознание и принятие его именно как родного языка - важнейший канал создания подлинно художественных образов Украины. Творчество американско-канадских авторов, которые преимущественно англоязычны, демонстрирует нам несколько иной дискурс восприятия Украины. Произведения этих авторов встречают наибольшее число претензий и возражений со стороны канадских украинских деятелей, связанных с украинской

средой: сталкивается северо-американский опыт восприятия Украины с теми представлениями украиноязычных интеллектуалов. Образ Украины у писателей украинского происхождения, пишущих на английском языке, именно северо-американский, так как они сформировались как авторы в местном канадском англоязычном социуме.

В данном случае уместно вернуться к проблеме, заявленной выше, проблеме модели развития украинской англоязычной литературы в Канаде. Если украинский канадский историк Орэст Мартынович в отношении собственно украиноязычной литературы в Канаде отмечает, что она пережила маргинализацию (последний вариант, согласно типологии Э. Падолски)¹¹⁰, то модель развития англоязычной украинской литературы определить сложнее. Падолски упоминает три модели - интеграцию, ассимиляцию и отдаление. Последнее характерно для литературы на украинском языке, хотя степень ее маргинализации преувеличивать не следует. Англоязычная проза пережила интеграцию, которая вылилась в ассимиляцию. Глубина и особенности этой ассимиляции не имеют общего характера и индивидуальны для авторов украинского происхождения, пишущих на английском языке.

Из этого вытекает проблема собственно идентичности, границы которой размыты, четкие рамки отсутствуют и строгая классификация маловероятна. Незначительная часть канадских писателей украинского происхождения, пишущих на английском языке, осознает себя как украинцев, идентифицируясь с украинской культурой. Их творчество может быть билингвальным. Писатели, знающие украинский язык, но пишущие на английском имеет двойную размытую идентичность. Украина для них уже не родина, а - родина предков. Она превратилось в «место памяти». Украинская культура, украинский язык, украинские традиции - так же не являются для них родными. Неправильный украинский язык - это своеобразное наследство от родителей, которые, возможно, знали его лучше.

Украинский язык одновременно и связывает американско-канадских писателей с украинским сообществом и отдаляет от него. Украинские канадские и американские украиноязычные интеллектуалы никогда не будут готовы признать их как украинцев¹¹¹. Они примут их как канадцев или американцев украин-

¹¹⁰ O.T. Martynowych. *Ukrainians in Canada: The Formative Period, 1891 - 1924*. - Edmonton, 1991. - P. 609; Padolsky E. *Ethnicity and Race: Canadian Minority Writing at a Crossroads // Literary Pluralities / ed. C. Verduyn*. - Peterborough, 1998. - P. 19 - 36.

¹¹¹ Максим Тарнавський пише в зв'язі з цим с сарказмом: «But it is also immediately obvious that this is a completely unjustified assumption. Even if Keefer and Melnyczuk were descriptive realists like Dickens or Tolstoy--which they are not-- and even if both writers were explicitly concerned with depicting Ukrainians in their respective countries--this, at least in part, they are--then they would still be expressing their own personal views. If the former Governor General of Canada were to write about his experiences as a Ukrainian in Canada, would the world he describes correspond to the one in which the grandson of

ского происхождения. Именно для таких авторов поиски своей украинской идентичности и своей Украины представляют интерес. Джэнис Кулык Кифер и Аскольд Мельнычук решили искать Украину в зрелом возрасте. Они пришли в Украину сознательно, хотя раньше она их мало интересовала. Этим сходство ограничивается. Возможно упомянуть различия, связанные с творческими стилями и методами писателей. Роман Д. Кулык Кифер - роман феминистский, а не украинский. Именно феминизмом, желанием утвердить свободный выбор женщины, которая вольна в определении идентичности, он проигрывает романам А. Мельнычука. Книги последнего далеки от модного феминистского дискурса, что не делает их более примитивными. Это делает их более искренними и наивными в поиске Украины. Возможно, между двумя авторами есть и еще одно сходство. Они не открывают Украину, они не описывают Украину реальную. Перед ними и не было такой цели. Украина для них - одно большое ими же «воображаемое сообщество».

В заключении хотелось бы ответить возможным оппонентам, которые укажут на то, что эти два англоязычных автора давно и успешно вписались в американское и канадское общества, являются украинцами по происхождению, а от реальной Украины далеки, имея о ней возможно поверхностное впечатление. Это, скорее всего, не совсем так. Об этом говорит интерес к их творчеству в самой Украине, где работы Мельнычука были, например, переведены на украинский. Это подтверждает, что современный украинский интеллектуальный дискурс характеризуется немалым интересом к украинской диаспоре, даже тем ее представителям, которые от украинской культуры и языка ушли далеко. Моей задачей было показать то, как они восприняли то, от чего сами отказались в силу сложившихся обстоятельств.

В целом, романы Джэнис Кулык Кифер и Аскольда Мельнычука демонстрируют нам связь языка написания с теми представлениями о родине, которые этот язык формирует. Такая ситуация стала возможно, скорее, в силу того, что и Дж. Кулык Кифер и А. Мельнычук, вероятно, сами, не отдавая себе в этом отчета, создавали свои украинские нарративы в рамках постколониального контекста. Украина, выписанная ими, это колонизованная украинская реальность, которую они пытаются деко-

Stepan Bandera lives? Probably not! And so too the authors we approach today, must not be regarded as spokespersons or representatives. Rather, like the frogs lined up for dissection in a high school biology class, they are unique and individual specimens. With scalpel in hand, we must find an approach that will reveal the characteristics of the entire species, without destroying the peculiarities of the individual. The novels before us offer a great variety of incision points for our scalpel». См.: M. Tarnawsky. "What is Told" in "The Green Library". History, Institutions, Language. A Paper presented at the conference Cross-Stitching Cultural Borders: Comparing Ukrainian Experience in Canada and the United States. October 29 - 31, 1998. Toronto // Canadian Ethnic Studies. - Vol. 31. - No 3. - P. 104.

лонизовать: с одной стороны, ментально ее осмыслить, представить как свое большое место памяти, а, с другой, понять ее и, тем самым, освободить. Набор украинских дискурсов, который мы наблюдаем в романах англоязычных писателей украинского происхождения, постколониален в силу языка описания.

Прежде чем поставить последнюю точку в статье хотелось бы вернуться к самому началу, к названию, где заявлена своеобразная дихотомия *Ukraine* и *Україна*. Определяя, чем является «старая родина» для современных англоязычных писателей украинского происхождения, тем, что по-английски называется *Ukraine* или так как это слово звучало для их родителей *Україна*, мы вынуждены констатировать, что возможно второе прочтение, понимание и произношение актуально для них в меньшей степени. Однако и эта англоязычная перцепция *Ukraine* развивается вокруг нескольких тем, характерных и для украиноязычных интеллектуалов, что подтверждает целесообразность обращения к их творчеству как к источнику для изучения украинской исторической памяти в XX веке в интеллектуальной традиции украинской диаспоры.

Научное издание

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Выпуск 10
2008

Максим КИРЧАНОВ

UKRAINE VS УКРАЇНА:
ДИСКУРСЫ РОДИНЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ТРАДИЦИИ
УКРАИНСКОЙ ДИАСПОРЫ

Оригинал-макет: М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
Воронеж, Московский проспект, 88